

Серж Запольский
Нина Запольская

Жареный козлёнок бокора Вальдеса

Достояние Англии. Книга 6

18+

Нина Запольская
Серж Запольский
Жареный козлёнок
бокора Вальдеса
Серия «Достояние Англии», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34116258
SelfPub; 2024*

Аннотация

На основе реальных дневников английских путешественников XVIII века. Для влюблённых в море, готовых идти под парусом за золотом Диего де Альмагро. Непредвиденные опасности настигают капитана Линча в Сенегале, но страстная любовь к таинственной незнакомке находит его и там. На Гаити бокор Вальдес оказывает капитану помощь, но невольно вовлекает в новые приключения. Только сюжет книги совсем не о колдовстве вуду, хотя без колдовства здесь не обошлось. Сюжет книги о том, как спустя много лет четыре верных друга в поисках древних сокровищ вновь берут курс на остров Тортуга. А ещё о том, что от любви нельзя спрятаться, как ни старайся.

Содержание

Глава 1. Экспедиция 1758 года	4
Глава 2. Одноглазый матрос с Мадейры	51
Глава 3. Старый французский форт Сен-Луи	72
Глава 4. Где же ты, юнга?	88
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Нина Запольская, Серж Запольский Жареный козлёнок бокора Вальдеса

Глава 1. Экспедиция 1758 года

Мистер Трелони повернул коня и пустил его галопом через поле.

Поле было крохотное, в восемь или десять акров. Оно оказалось вспахано и засеяно свёклой. Местность шла на подъём, и капитан скакал чуть позади сквайра, изредка поглядывая по сторонам: он знал эти надёлы пахотной земли, через которые они сейчас пробирались. Совсем скоро надёлы должны были перейти в лес, перед которым шла короткая пустынная низина с оврагом, и дальше, возле маленькой деревни, находились конюшни и дом сквайра.

Мистер Трелони доскакал до живой изгороди, остановил коня в нерешительности и, чтобы скрыть растерянность, уронил хлыст. Капитан поравнялся со сквайром, остановился и спешился. Подняв с земли хлыст мистера Трелони, он сказал, глядя ему в лицо снизу вверх:

– Ваш конь, Джордж, легко перепрыгнет это препятствие. Мистер Трелони насупился и заёрзал в седле от неловкости.

– Конь перепрыгнет, а я – нет, – наконец, пробормотал он сердито. – Не забывайте, сколько мне лет, Дэниэл.

– Неужели так много? – спросил капитан насмешливо.

Мистер Трелони помолчал, потом поджал губы и ответил:

– Да, Дэниэл! Мы уже не дети!

Капитан растянул губы в улыбке и сказал, как можно увереннее.

– Я привык относиться к вам, как к ровеснику.

– К ровеснику? – вскричал удивлённый сквайр. – Ну, тогда не спрашивайте, сколько мне лет... Ровесник, значит ровесник!

– Тогда прыгайте, – сказал капитан с усмешкой и легко взлетел в своё седло.

– Да пожалуйста! – сказал мистер Трелони и повернул коня.

Он немного отвёл его, поставил перед изгородью и приказал прыгать. Жеребец взял препятствие легко, даже не задев верхние ветки. Капитан последовал за сквайром. Они приземлились на другом поле, таком же маленьком и открытом в сторону дороги.

– Давайте выходить на дорогу, – сказал капитан.

– Что? – переспросил сквайр: он в последнее время стал плохо слышать, что ему говорят другие, особенно в минуты

волнения.

– Давайте выходить на дорогу, – повторил капитан громче, поворачивая голову к сквайру.

– Конечно, мой друг, – ответил сквайр и направил коня к дороге.

Некоторое время они ехали шагом бок о бок, и вдруг капитан сказал:

– Мне стали сниться странные сны, Джордж... О моей смерти в скором времени.

Мистер Трелони испуганно покосился на него.

– Да что с вами, дружище? – спросил он. – Вы никогда не боялись смерти... Вы всегда говорили, что смерть – это про кого-то другого.

Капитан улыбнулся, голубые глаза его, опущённые выгоревшими ресницами, сощурились.

– Я и сейчас не боюсь, – просто сказал он. – Только сны странные. И они – о смерти... Вам это не кажется смешным?

Мистер Трелони покачал головой и продекламировал с грустью вместо ответа:

*Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.*¹

Какое-то время они ехали молча, и мистер Трелони замер,

¹ У. Шекспир «Буря».

боясь даже чихнуть ненароком: он не хотел вспугнуть капитана – тот никогда не рассказывал ему о своих снах.

Наконец, капитан заговорил.

– Джордж, а вам никогда не приходили в голову странные для вас мысли, совершенно не свойственные вам?.. Словно бы они не ваши... Ну, то есть, совсем не ваши, – спросил он.

– Нет, я всегда знаю, о чём я думаю, – недоумённо ответил сквайр после секундного замешательства. – И все мысли, которые я думаю – они мои, как мне кажется.

– А наш доктор вам на такое не жаловался?

– Наш доктор – очень рациональный человек. Если бы у него что-то подобное и случилось, он никогда бы в этом не признался... Злился бы, хмурился, но не признался.

Капитан удивлённо покосился краем глаза – сквайр вдруг стал отвечать ужасно невнятно, словно посасывая больной зуб... Какой же он всё-таки маленький, маленький и отважный человек, подумал капитан... И уже седой совсем... У капитана вдруг защемило сердце, и он спросил:

– Вы никогда не жалеете, Джордж, что мы потеряли столько времени, гоняясь за сокровищем?

– Нет, конечно, – ответил тот. – Жизнь в море и жизнь в погоне за сокровищами изменила меня. Раньше я был слишком изнежен и истеричен – вспомнить страшно.

– А я был глупым и самонадеянным юнцом, – засмеялся капитан и добавил. – Хоть и опасным.

Какое-то время они ехали по дороге, потом нашли тро-

пинку. Вокруг стояли сосны, высокие, как мачты кораблей. Почва под ногами была прекрасная – усыпанная хвоей сухая и упругая глина, и их кони, покрывшие несколько миль по пересечённой местности, не показывали никаких признаков усталости.

Мистер Трелони похлопал своего жеребца по шее. Сказал:

– А интересные нам достались координаты... Как на подбор.

– Я думаю, на земле все места такие. Не интересных мест просто нет, – ответил ему капитан. – Я думаю, что, раскрутив глобус и выстрелив в него наугад, мы с вами получим тоже весьма интересную пару координат... Такую же интересную, как и наши координаты.

– А давайте попробуем! У меня где-то в кабинете есть старый глобус. Мне его не жалко.

– Хорошо, приедем к вам и попробуем.

Они почему-то сразу заторопились. В загородном доме мистера Трелони они сразу закрылись в кабинете хозяина, позвав с собой доктора Легга и Платона. Сквайр вытащил из бюро футляр с парой дуэльных пистолетов и взял один. Платон достал со шкафа глобус и раскрутил его. Глобус действительно был очень старый, и крутился он со скрипом, словно земле надоело вращаться вокруг своей оси, и она выражала протест. Доктор Легг заткнул уши. Сквайр прицелился. Раздался выстрел, по кабинету поплыл пороховой дым.

– Доктор, осмотрите раненого, – попросил капитан на-

смешливо.

Доктор Легг осмотрел глобус и сказал:

– Одно пулевое ранение нашего глобуса – это... О, мистер Трелони попал почти в Константинополь, столицу Оттоманской империи!

– Да-а, – недоумённо протянули все.

Тут мистер Трелони вскричал, положив палец на свой шрам на левой щеке, как он делал всегда в минуты душевного волнения:

– Я знаю, что в средние века там располагалось Византийское царство!.. Джентльмены! Это очень интересно!

– Особенно, если бы мы смогли отправиться в Византийское царство! – заметил капитан и спросил. – А второе ранение нашего страдальца, доктор?

В дверь кабинета заколотило сразу несколько рук, раздались испуганные голоса – это миссис Трелони, миссис Легг и миссис Линч прибежали на звук выстрела.

Джентльмены, смущённо посмеиваясь и переглядываясь, выпустили дам и принялись успокаивать их, заверяя, что никто не пострадал, что они только опробовали один из пистолетов мистера Трелони и ничего больше. Потом все вышли. Платон задержался в кабинет, чтобы открыть там все окна и проветрить комнату. Он подошёл к глобусу, взял его в руки и покрутил. Отыскав второе пулевое отверстие, он удивлённо хмыкнул и убрал глобус опять на книжный шкаф к самой стене, в угол.

Потом он вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь.

Спустя неделю в Бристоле разразился скандал.

Банкир Александр Саввинлоу публично потребовал расторжения брака мистера Трелони и миссис Трелони на основании того, что мистер Трелони до этого брака уже был женат на Амаранте Трелони, которая до сих пор жива, и которая имеет от него сына Джона.

Мистер Трелони протестовал, объясняя, что Амаранта Трелони – жена его старшего брата Генри и пытался привести в доказательство письма покойного брата Генри из Вест-Индии о своей женитьбе, но писем в своём архиве он не нашёл – они пропали. Зато несколько писем за разные годы предоставил всеми уважаемый банкир, и в частности, письма мистера Трелони к губернатору Барбадоса, в котором тот просил губернатора посодействовать розыску Амаранты Трелони с её сыном Джоном.

– Труда, мне ничего другого не остаётся, как ехать в Вест-Индию и найти свою, так называемую, «супругу», если она ещё жива, – сказал мистер Трелони жене. – Или попытаться разыскать племянника Джона... Ему сейчас уже больше двадцати лет.

Миссис Трелони подняла на него заплаканные глаза и стиснула руки.

– Джордж, – прошептала она. – Ты не выдержишь доро-

ги... Ведь ты уже не мальчик. Тебе уже под шестьдесят. Я согласна жить с тобой вне освящённого церковью брака.

– Да, а наши девочки? – воскликнул тот, горячась. – Какое будет им? Об этом ты подумала?

Миссис Трелони разрыдалась и осела на пол к ногам мужа.

– Не убивайся так, дорогая! – вскричал мистер Трелони, падая на колени рядом с супругой. – Дэниэл мне поможет.

Он достал из кармана платок, нежно вытер им слёзы жены и с вымученной улыбкой попытался пошутить:

– Раз он уверен, что мы с ним ровесники, то значит я ещё в самом расцвете сил.

Услышав это, миссис Трелони разрыдалась ещё горше.

Миссис Трелони в этом году исполнилось... Ах, увольте!.. И не просите сказать вам, дорогой читатель, сколько лет исполнилось миссис Трелони. Года четыре тому назад ей, стоящей перед зеркалом, вдруг пришла в голову удивительно философская по своему содержанию мысль, после которой она сразу успокоилась и не стала уже так печалиться о своём возрасте. Этой мыслью она, конечно же, поделилась со своей старинной подругой Сарой Легг.

– Я поняла, Сара, – сказала миссис Трелони. – В конце жизни каждая женщина оказывается перед выбором: или умирай, или становись старухой. А если мы с тобой умирать не собираемся, значит, будем радоваться старости.

И миссис Легг ей согласно улыбнулась.

Вечером этого злополучного дня капитан Линч с Сильви-

ей и доктор Легг с Сарой пришли в дом Трелони. Платон сопровождал капитана на правах то ли вестового, то ли друга, и теперь все сидели в гостиной и разговаривали.

Мистер Трелони сказал жене:

– Труда, мне в связи со всем этим ужасно не нравится твой секретарь, мистер Фокс... Он мне подозрителен

– Этот секретарь у меня уже лет двадцать работает, – ответила миссис Трелони, вытирая слёзы. – Мне его рекомендовал...

Она задумалась, потом проговорила недоумённо:

– Боже мой!.. Кажется, мне его рекомендовал банкир Саввинлоу! Точно, банкир Александр Саввинлоу!

– Вот поэтому этот секретарь мне и не нравится, – возмутился мистер Трелони. – Надо ему дать расчёт!

– Но мистер Фокс себя хорошо зарекомендовал, – заметила миссис Трелони. – Нельзя же уволить человека только на основании того, что он тебе подозрителен?

Тут в разговор вступил доктор Легг.

– А почему нет? – выпалил он, горячась по своему обыкновению. – Так и сказать секретарю: «Увольняем в связи с утратой доверия»!

– Но так никто не делает, – изумилась миссис Трелони и всплеснула руками.

– Это сейчас никто не делает, а потом будут... Вот увидите! – воскликнул доктор. – Эта формулировка при увольнении будет ничем не хуже остальных!

Мистер Трелони и капитан невольно заулыбались.

– Джеймс, вы как всегда фантазируете, – обречённо сказал капитан, глядя на доктора ласковыми глазами.

– Ну и что? – вспыхнул тот и спросил в упор: – Пусть лучше письма пропадают?

Все замолчали, в который раз обдумывая последние события...

За истекшие десять лет наши герои, конечно же, изменились внешне.

Капитану Дэниэлу Линчу исполнилось сорок пять лет. Двигался он теперь медленно, с особой хищной грацией, и это обращало на него внимание везде, где бы тот ни появился. Лицо его, резко изборождённое морщинами, стало суше и словно окаменело, в нём появилась суровая властность. Губы тоже стали суше и тоньше, но на подбородке проступила ямочка, что очень красило его лицо, так же, как и улыбка – улыбка по-прежнему была необыкновенная, чарующая, и тогда голубые глаза капитана сияли, как и раньше. Вот только улыбался он теперь крайне редко.

Доктору Джеймсу Леггу исполнилось пятьдесят пять, и был он такой же стройный, длинноногий и рыжий, но морщин у него прибавилось, появились мешки под глазами, да и бакенбарды были уже не такие пушистые. Зелёные глаза его, как и прежде, светились кошачьей хитрецей, и, как и прежде, он очень быстро краснел, когда смущался или горячился. Служил доктор в бристольском госпитале Сент-Пи-

тер, там он и проводил почти всё своё время, появляясь дома только к ночи.

Мистер Трелони в свои пятьдесят восемь лет стал плохо слышать. Ещё он пополнил от спокойной жизни, хотя застарелая малярия в домашней обстановке отпустила его, как будто.

Оглаживая свой появившийся живот, сквайр говорил друзьям:

– Ничего не поделаешь, джентльмены! Человек всю жизнь растёт... В юности – в высоту, под старость – в ширину. Хотя я никак не могу привыкнуть к своему теперешнему облику. Смотрю на себя в зеркало, а на меня оттуда глядит совершенно чужой человек. Посторонний... И, что особенно неприятно – человек в возрасте!

Платон был всё таким же высоким и мощным. Чёрное лицо его не поддавалось времени, а, может быть, на его лице морщины просто не читались отчётливо даже тогда, когда Платон, по-прежнему, улыбался весело, как озорной уличный мальчишка.

За истекшие десять лет наши герои, конечно же, изменились внешне, но почти не изменились внутренне. Внутри, в душе, они были всё те же, своим авантюризмом больше похожие на себя молодых. Поэтому, когда мистер Трелони объявил, что намеревается отправиться на поиски Амаранты Трелони и её сына, капитан, доктор Легг, – и, разумеется, Платон, – его тут же поддержали. Женщинам ничего не

оставалось делать, как смириться.

Скоро джентльмены ушли в кабинет сквайра, чтобы обсудить детали.

– Пойдём вдоль побережья Африки, – сказал капитан. – Там, конечно, тоже беспокойно, но не так, как в североамериканских водах.

– На море надо всегда быть оптимистом, – согласился доктор Легг и добавил: – И всегда готовиться к худшему.

– Но мы обязательно должны найти мою бывшую невестку, – сказал мистер Трелони. – Моему племяннику Джону сейчас, должно быть, лет двадцать или двадцать два.

Он нагнулся к горящему камину, – несмотря на солнце, день был по-весеннему прохладный, – и некоторое время возился с углями.

Доктор ему ответил в спину:

– Если бы мы только знали её теперешнее имя... Она могла несколько раз выйти замуж.

Сквайр, вооружённый каминными щипцами, выпрямился, повернулся и какое-то время пристально вглядывался в доктора. Потом он снова отвернулся к камину и молча положил щипцы, но капитан готов был поклясться, что тот опять не расслышал, что ему сейчас ответил доктор, и просто постеснялся переспросить его.

У капитана сжалось сердце, и он поспешил, – специально для сквайра громко, – сказать первое, что пришло ему в голову:

– Как вы знаете, джентльмены, модель, по которой установилось теперешнее судоходство между Африкой, Карибским морем и Европой, можно назвать «Треугольной торговлей». Торговые корабли из Европы приплывают к африканскому берегу и обменивают свои товары... А это, как правило, промышленные товары и оружие... На чернокожих рабов, которых им предоставляет местная чернокожая знать.

Капитан покосился на сквайра – тот заметно повеселел и удовлетворённо уселся в кресло.

Капитан продолжил:

– Затем торговцы идут в Карибское море или в Северную Америку, чтобы там продать рабов местным плантаторам и вернуться в Европу с такими товарами, как сахар, табак, кофе, какао, ром, солёная треска и пшеница... В Европе это всё продаётся, то есть, фактически обменивается опять на промышленные товары и оружие.

– И на каждом этапе негодяи зарабатывают деньги! – воскликнул доктор Легг, поднял указательный палец и потряс им.

– Ну, так для этого наше королевство и воевало с начала века, – саркастически заметил мистер Трелони. – А потом по мирному договору Великобритания получила от Испании асьенто², по которому она обязывалась снабжать рабами ис-

² Асьенто (исп. *reale assiento* – «королевское согласие») – испанский правительственный контракт, предоставлявший частным лицам и компаниям с 1543 по 1834 гг. монопольное право на ввоз в испанские колонии рабов из Африки.

панские колонии.

– А это, в свою очередь, предоставляло британским торговцам и контрабандистам большой доступ к ранее закрытым испанским рынкам в Америке, – сказал капитан.

Тут опять заговорил Платон:

– Так вот это-то асьенто и способствовало распространению пиратства в западной Атлантике... После заключения мира с военных кораблей освободилось очень много моряков, и хоть колониальное мореходство быстро росло, но хозяева кораблей экономили, да и теперь экономят, на всём, даже на своей команде. Условия жизни моряков были такие, что хоть в пираты иди. Вот они и шли.

Платон посмотрел на сквайра и добавил:

– Говоря о судовладельцах, я не имею в виду вас, мистер Трелони. Разумеется!

– Можешь не извиняться, Платон, я это понимаю, – ответил ему тот и улыбнулся. – К тому же я не занимаюсь работорговлей.

Капитан, который тоже улыбался, потому что Платон был сегодня удивительно разговорчив, сказал:

– Ну, а сейчас, когда пиратов в Карибском море теснят национальные военные флоты, которые готовы предоставить национальной торговле всё большую степень защиты, пираты из Карибского региона ушли к берегам Западной Африки... Там они подстерегают плохо защищённые рабовладельческие суда.

– Или плохо защищённые торговые шхуны, – сказал доктор Легг с явным намёком.

Все замолчали и посмотрели на капитана.

– Ну, конечно, в тех водах беспокойно, – ответил тот. – А когда и в каких водах негоцианты чувствовали себя в безопасности?

Ему никто не ответил, но спустя минуту мистер Трелони сказал всем весело:

– Ну, если в Карибском регионе сейчас почти нет пиратов, то ничего нам не помешает опять наведаться на Тортугу и снова поискать наши две горы с водопадом.

Итак, дорогой читатель, со времени экспедиции наших героев в Новую Гранаду прошло более десяти лет, и в их жизни, да и во всём мире тоже, произошло много значительных событий.

В 1748 году закончилась, наконец-то, война за Австрийское наследство, которая раздирала всю Европу, начиная с 1740 года. В этом же 1748 году испанский военный инженер Роке Хоакин де Алькубьерре с дюжиной рабочих по повелению неаполитанского короля Карла VII приступил к раскопкам Помпеев, древнеримского города у побережья Неаполитанского залива. Город, как известно, в 79 году н. э. стал жертвой извержения Везувия. Испанскому инженеру фантастически повезло: первый удар заступом он нанёс на 8-метровой высоте как раз над центром Помпеев, рядом с главным

в городе храмом Октавиана Августа.

В 1752 году Великобритания и её колонии перешли с Юлианского календаря на Григорианский, и в королевстве после 2-го сентября сразу наступило 14 сентября. Подданные остались недовольны этим решением короля Георга II, сделавшим их на одиннадцать дней старше. В стране были замечены протесты под лозунгом: «Верните нам наши одиннадцать дней!», что нашло отражение в одной из гравюр серии «Выборы», созданной великим Уильямом Хогартом.

В городе Бристоле из-за перехода на новый календарь даже вспыхнули беспорядки, приведшие к гибели людей. Прибывший в Бристоль судья Томас Уэзерелл обратился к горожанам, собравшимся на площади Куин-Сквер, с угрозой заключения их в тюрьму, но вскоре был вынужден сам спастись бегством от разъярённой толпы. Беспорядки продолжались четыре дня. Разгневанные жители города разгромили епископский дворец, разрушили городскую тюрьму, выпустив всех её заключённых, и разграбили под шумок несколько богатых особняков. Многочисленных раненых свозили в госпиталь Сент-Питер, в котором служил доктор Легг. Оказывая пострадавшим помощь, доктор не преминул в своей неподражаемой манере изругать бунтовщиков.

– Надо быть полным ослом, чтобы бунтовать по такому пустячному поводу, как какой-то там календарь, – сказал он. – Земля не прекратит своего вращения... Григорианский календарь скоро тоже устареет, и его в 2100 году тоже нужно

будет менять. Именно к этому году набегут полных четверо неучтённых суток. И что вы тогда на это скажете?.. А?

Пострадавшие потрясённо молчали и смотрели на доктора Легга виноватыми глазами.

В 1753 году у капитана и Сильвии родился третий ребёнок. Мальчика назвали Эдуардом. Мистер Трелони на радостях приобрёл ещё один корабль, бригантину, которая стала носить гордое имя «Король Эдуард». В этом же году у Платона и Молли родилась дочь, которую назвали Марией.

В 1754 году началась очередная, Семилетняя война между Францией и Великобританией в Северной Америке. Противостояние между двумя странами в североамериканских колониях продолжалось с самого начала XVIII века. Треска и сельдь, которыми так были богаты воды в заливе Святого Лаврентия и у берегов Ньюфаундленда, составляла основу питания во время многочисленных постов в католических странах и, в частности, во Франции. Треска являлась стратегическим товаром, обладание которым было крайне важно, поэтому военные конфликты в Северной Америке между Францией и Англией вспыхивали постоянно.

Почти все эти военные эпизоды принято именовать по именам царствующих особ – война короля Вильгельма, война королевы Анны, война короля Георга и, четвертая, Семилетняя франко-индейская война, которую во всём мире именуют почему-то по-разному. Во время всех этих войн за обе стороны конфликта сражались индейцы. В Семилетней

франко-индейской войне 1754 года принял участие майор Джордж Вашингтон, которому в то время был 21 год.

В 1754 году Томас Чиппендейл издаёт, наконец-то, свою книгу «Указатель для клиентов и краснодеревщиков» («Gentleman and Cabinet-maker's Director»). Книга предназначалась для формирования вкуса аристократов, но инструкции в ней были ориентированы на краснодеревщиков, которые могли копировать предлагаемые рисунки. Первое издание «Указателя» Чиппендейла было собранием коллекции мебели «Готические, китайские и современные вкусы». Помимо демонстрации образцов мебели здесь впервые рассматривалось такое понятие, как стиль.

1 ноября 1755 года во время Лиссабонского землетрясения погиб капитан Бортоломео Аленкар – друг и деловой партнёр капитана Дэниэла Линча. Землетрясение, за которым последовали пожар и цунами, превратило столицу Португалии Лиссабон в руины, под которыми навсегда погибли колониальные амбиции португальской империи, достигшей своего расцвета в первой половине XVI века. Лиссабон был не единственным португальским городом, пострадавшим в этой катастрофе. В южных районах страны разрушения были такими же колоссальными.

1756 год знаменателен тем, что русская императрица Елизавета Петровна отменила в России смертную казнь, а в Австрии родился Вольфганг Амадей Моцарт.

И в том же году Великобритания объявила войну Фран-

ции, положив начало Семилетней войне в самой Европе: против Пруссии, Англии и Португалии выступили Австрия, Франция, Россия, а затем Швеция и Саксония. Война закончилась в 1763 году. В её результате колониальное, военное и военно-морское могущество Франции было серьёзно подорвано. Великобритания, наоборот, превратилась в самую крупную колониальную и морскую державу мира, практически не имеющую достойных соперников – Великобритания становится владычицей морей. Пруссию крупнейшие европейские державы стали воспринимать, как равную. Ничего не приобрели от участия в Семилетней войне монархия Габсбургов и холодная огромная Россия.

И всё это время в водах Северной Америки было неспокойно: и английские, и французские флотоводцы имели инструкции захватывать при каждой возможности суда враждующей стороны – корабли всякого рода военные, приватиерские и даже коммерческие. Морская торговля стала делом ещё более опасным.

В 1757 году английские войска разгромили французов и союзных им индусов в битве при Плесси, дав начало господству Великобритании в Восточной Индии. В мае 1758 года англичане без особых сложностей, правда, ненадолго, захватили Сенегал – французскую колонию в Западной Африке. В том же 1758 году английское правительство приняло решение о строительстве 12 линейных кораблей. Список кораблей возглавлял 100-пушечный флагман «Виктория», подоб-

ного которому в британском флоте ещё не было. Через тридцать восемь лет на палубу «Виктории» вступит нога тридцативосьмилетнего Горацио Нельсона.

В апреле 1758 года капитан Дэниэл Линч вернулся из рейса в Бомбей – центра английской торговли в Индийском океане. Трюм «Архистар» был полностью загружен китайским шёлком, индийскими пряностями и японскими диковинами – серебром, мебелью, ширмами и мечами.

Весь XVIII век Европа жила под обаянием искусства Дальнего Востока, предметы которого имелись и в домах богачей, и в жилищах бедняков. Страна происхождения товара, – Китай, Япония, Сиам или Индия, – была совершенно неважна. Восток представлялся единым миром, полным сказочного богатства и населённым иными людьми, живущими по своим непостижимым законам. Все в то время помешались на лаке, особенно после того, как в 1731 году в Европе вышел альбом «Развлечение для дам, или как без труда овладеть искусством лакирования», в котором, впрочем, советов и технологии было немного. Мотивы китайщины-шинуазери (окружённые виньетками пальмы, пагоды, летящие птицы и джонки с рыбаками) были везде – на мебели, на стеновых панелях, на обивочных и драпировочных тканях.

И, не смотря на изобретённый Иоганном Фридрихом Бёттгером в 1709 году мейсенский фарфор, придворная знать коллекционировала загадочный и таинственный фарфор китайский. Во дворцах монарших особ специальные

комнаты для переодевания и вкушения чая обставлялись в «китайском вкусе» – коромандельскими шкафами, лакированными стульями с высокими спинками в виде коромысла и сине-белой заморской посудой.

В подражании китайскому фарфору между 1748 и 1759 годами в Англии изобретают костяной фарфор, состав которого долгое время остаётся секретом фабрики Веджвуда.

В мае 1758 года капитан Линч приехал к Томасу Чиппендейлу в его дом в переулке святого Мартина, расположенного в северном Вестминстере – в районе Лондона, где располагалась основная масса мебельных мастерских.

Друзья крепко обнялись в прихожей и застыли так на какое-то время. Скоро Томас закричал и проговорил радостно:

– У тебя по-прежнему железная хватка... Как у адмиралтейского якоря³.

Капитан выпустил Томаса из своих объятий, сделав шаг назад. Он ласково и пристально смотрел на друга детства и сказал удивительно низким, обволакивающим голосом:

– Я привёз тебе китайские ширмы. И оставил их в твоей мастерской... Думаю, они тебе понравятся.

– Конечно, понравятся! – воскликнул Томас, всплётски-

³ Адмиралтейский якорь – название якоря особой конструкции, которое появилось в 1352 г. после испытания различных якорей, проведённого Британским адмиралтейством.

вая руками. – Лак сейчас до такой степени в моде, что иные умельцы распиливают китайские ширмы на фрагменты, а потом тупо, не глядя, лепят их на свою мебель... Иногда у них лошади скачут вверх ногами. Я сам видел!

Друзья рассмеялись. Они пошли в гостиную: Томас – впереди, капитан – следом за ним. По дороге капитан пристально оглядывал Томаса в спину, с болью отмечая, что за время, которое они не виделись, тот пополнил ещё больше и, кажется, ещё больше ссутулился.

– В твоей мастерской кипит работа, – удовлетворённо отметил капитан, оглядываясь в гостиную.

– Это всё благодаря тебе, Дэн, – ответил Томас. – Без тебя десять лет назад я бы ни за что не арендовал эту мастерскую.

– Ты не меня благодари, а судьбу... А мне просто удалось выгодно продать колумбийские изумруды, – сказал капитан и щёлкнул пальцами. – И погребальные маски из Тайроны удалось хорошо пристроить частному коллекционеру. За одну только золотую маску, выкрашенную киноварью, он выложил кругленькую сумму.

– Сюзен часто достаёт твой свадебный подарок, – с улыбкой сказал Томас. – Она из этой золотой чаши с хризоколлой и птицей пьёт чай.

– Надеюсь, ты не говорил ей, что чашу я нашёл в погребении? – спросил капитан, усмехаясь хитро, но скупно.

– Нет, что ты, как можно? – засмеялся Томас. – Ты же знаешь Сюзен... Она испугается насмерть.

Капитан сел в кресло у негорящего камина. Томас тут же поспешил сесть в соседнее кресло, искоса любовно глядя на друга. Они какое-то время молчали: капитан казался задумчивым, а Томас всегда предпочитал у него первым ничего не спрашивать.

– Как твоя книга? – вдруг спросил капитан, поворачивая к Томасу голову.

Тот потупился и сказал невнятно:

– Продаётся потихоньку.

Капитан забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, испытующе глядя на Томаса.

– Сколько у тебя осталось экземпляров? – спросил он напрямик.

Томас замялся.

– Так сколько? – несколько даже резко спросил капитан.

– Почти весь тираж, – ответил Томас и посмотрел на друга отчаянными глазами.

– Кому ты её предлагал? – спросил капитан.

– Ну, – промычал Томас невнятно и выговорил. – Соседям.

– Понятно, – ответил капитан. – То есть, никому ты её не предлагал.

Капитан опять побарабанил пальцами, а потом вдруг произнёс с лихостью:

– Отдашь все оставшиеся книги мне! Я сам их буду предлагать. Здесь, в Лондоне. Здесь очень много мебельщиков.

Или вот хоть бы и в Отли!.. Отчего бы мне не посетить городок детства? А заодно не пройти по всем книжным и мебельным лавкам?

Томас уставился на друга изумлённо.

– Но тебе же совершенно некогда! – воскликнул он.

– Это не твоё дело, – ответил ему капитан и жёстко усмехнулся. – К тому же тебе теперь тоже будет некогда. Ты начинаешь готовить новое издание своего Указателя.

– Новое издание? – потрясённо воскликнул Томас. – Да я ещё старое не распродал!

– Да, новое издание, – повторил капитан веско. – Значительно переработанное и дополненное... Листов на двести. Самая лучшая бумага и самые богатые иллюстрации!

– Дэн, но это будет дорогое издание, – почти в ужасе прошептал Томас. – Кто его купит?

– Что же, что дорогое? – рассмеялся капитан. – Значит, твою книгу будут покупать короли! Разве плохо?

Капитан смотрел на Томаса шальными глазами, ожидая от него ответа. Томас молчал.

– Я опять на ней ничего не заработаю, – наконец, проговорил он сдавленно.

– Ну и ладно... Денег я тебе дам, – сказал капитан и добавил так, словно вопрос уже решён: – И помести туда все мебельные предметы, которые ты знаешь... Не только свои.

– Дэн, а меня не обвинят, что я публикую чужие работы? – спросил Томас осторожно.

– Дурачок! Твой альбом должен быть самым полным...

Самым всеохватывающим, – ответил капитан.

– Да, – согласился Томас. – В книгах других проектировщиков публикуются только отдельные направления мебели.

– Ну, вот! – согласился капитан. – А у тебя будут все направления английской мебели. Ты же не для себя стараешься, в конце концов, а для публики.

– Ах, как это верно! – воскликнул Томас, уже воодушевляясь. – В комментариях я так и напишу, что я не чуждаюсь заимствований и прямых копирований. Что моя цель – только улучшение вкуса заказчика!

– Конечно, – поддержал его капитан, склоняя голову.

– Мне надо поговорить с мистером Мэйхью⁴, – сказал Томас: он уже задумался и, казалось, весь ушёл в свои мысли.

– Поговори, хуже не будет, – согласился капитан.

Тут в двери постучали, и к ним в гостиную вошёл слуга. Он доложил, что из мастерской пришёл мистер Дарли. Томас, извинившись, быстро вышел из гостиной и вернулся спустя четверть часа – всё это время капитан ходил по комнате и с любопытством оглядывал стоящую в ней мебель.

– Прости, – сказал Томас капитану, быстро подходя к нему. – Надо было решить срочный вопрос по поводу пайки стёкол для книжного шкафа леди Эджкомб.

Капитан засмеялся, огляделся и сел на стул, оказавшийся поблизости, с удовольствием откидываясь на его спинку.

⁴ Джон Мэйхью – известный лондонский краснодеревщик XVIII века.

– Что? – почти испуганно спросил Томас, подтягивая к себе другой стул и поспешно садясь на него напротив капитана.

– Нет, ничего, – ответил капитан. – Просто вспомнил, что ты ей сказал по поводу ткани... «Конечно можно использовать вашу ткань, миледи... Ведь мебель Чиппендейла нельзя испортить ничем – даже вашим контрабандным индийским ситцем!»

– Ах, Дэн! – горестно воскликнул Томас. – Мне не стоило так говорить. Но я так измучился с нею: то она утверждает мне обивку, то возвращает её обратно... А потом стала твердить, что хочет на портьеры только свой индийский ситец, который у неё конфисковали год назад и который она намерена получить обратно и поэтому будет его ждать!

– Да всё отлично получилось! – успокоил друга капитан. – Теперь все в Лондоне только про тебя и говорят. И смеются...

Томас тоже улыбнулся, с любовью взглядываясь в довольное лицо капитана, который сказал ему:

– Но я рад, что у тебя с заказчиками всё отлично.

Лицо Томаса вдруг странно переменилось. Теперь на капитана глядела отчаянная и горестная маска, и капитан подумал, что такие перемены бывали с Томасом и раньше, в юности, но никогда в последнее время.

– Что случилось? – капитан напрягся.

– Ах, Дэн! – пробормотал Томас. – Я ещё не говорил те-

бе... Меня ведь обманул банкир Саввинлоу.

– Как обманул? – переспросил капитан.

– Так, – сказал Томас и растянул свои полные губы в подобие обречённой улыбки.

Тёмные глаза его жалобно и по-собачьи покорно вглядывались в капитана.

– Он заказал мне десять стульев, а когда я привёз их ему, он не заплатил мне ни пенни, – наконец, выговорил Томас.

– Ты не заключил с ним контракт, – горестно констатировал капитан.

– Не заключил, – подтвердил Томас и добавил тихо: – Саввинлоу говорил мне, что он добрый и честный человек... Что он меня не обидит.

– И ты ему поверил? – спросил капитан и добавил, объясняя. – Банкир Александр Саввинлоу – самый добрый человек на свете... Если найдётся какой-нибудь человек добрее, то банкир его уничтожит, чтобы опять быть самым добрым человеком на свете.

Друзья замолчали, думая каждый о своём. Спустя какое-то время в тишине гостиной под шкафом стала царапаться мышь.

– Но зато у тебя мыши живут, – сказал капитан, поднимаясь. – Русские говорят, что хороших людей мыши не боятся.

Капитан громко топнул ногой. Потом он прислушался и удовлетворённо сообщил:

– А ведь я к тебе прощаться приехал. Мы опять идём в

Вест-Индию.

– Опять! – изумился Томас. – Все вместе?

– Я надеюсь, что все вместе, – ответил капитан. – Доктор Легг ещё не знает, отпустят ли его в госпитале. Точнее, опустит ли его госпиталь... Он ещё хочет найти туда хорошего врача вместо себя.

– Ах! – воскликнул вдруг Томас. – Как бы я хотел поплыть с вами!

– Ну, так в чём дело?.. Пойдём, – сразу же предложил капитан.

– У тебя на борту не хватит места, – быстро ответил Томас, бледно улыбаясь.

– Пойдём на двух кораблях! – выпалил капитан и добавил с надеждой: – Ты возмужаешь, похудеешь... Море – оно меняет всех.

Томас оторопело, стёрто улыбался, исподлобья вглядываясь в друга детства своими пристальными тёмными глазами. Потом он медленно, словно бы нехотя сказал:

– Нет, Дэн, ничего не получится... Сюзен меня не отпустит.

– Ты просто сам не хочешь, – сказал капитан сердито и прикрыл глаза.

– Может быть, – тихо ответил Томас.

Он встал и заходил по комнате.

– Но ты не знаешь, сколько мне ещё надо всего сделать, – сказал Томас. – Сколько у меня замыслов! Мне иногда ка-

жется, что я и родился на этот свет для того, чтобы прославить английскую мебель. Что моя женитьба и мои дети – это всё так... Между прочим!

– Ну, ты скажешь тоже, – поражённо пробормотал капитан, глядя на Томаса во все глаза.

– Да, ты просто всего не представляешь, – сказал Томас. Он остановился, посмотрел на капитана и вдруг начал рассказывать, воодушевляясь с каждой минутой всё более и более:

– Во Франции, ты знаешь, вся мебель покрывается позолотой или сплошной краской – белой, голубой или розовой... У нас, в Англии, всё больше в моду входит мебель из красного дерева, только слегка покрытого воском для выявления текстуры древесины. Я хочу соединить в современной мебели наш английский готический стиль с китайским стилем... Ты увидишь, какое это будет чудо! Только надо меньше массивности!.. Надо поработать над пропорциями в сторону лёгкости и изящества!.. Моя мебель будет с капризно изогнутыми, но очень конструктивными и удобными формами. А ещё – совсем немного лепестков, раковин и завитков!

Капитан восхищённо глядел на раскрасневшегося друга. Капитан всегда любил эти моменты, когда молчаливый и застенчивый Томас вдруг начинал рассказывать о чём-то своём, близком и волнующем, и тогда он преображался, и даже лицо его делалось вдохновенно и красиво.

Между тем, Томас продолжал говорить, плавно разводя

руками по воздуху:

– Ножки мебели для сидения – в виде изогнутой птичьей лапы, опирающейся на шар! А может быть, на львиную лапу!.. Главное – никогда не повторяться в своих замыслах. А это так трудно, на это уходит масса времени. У меня теперь есть собственные мастера, но подчас бывает легче вырезать деталь самому, чем объяснить другому резчику, что ты хочешь.

Тут Томас словно бы запнулся и сказал, уткнувшись в пол:
– Я знаю, что я выгляжу скверно... Я толст и кажусь старше своих лет... Да и здоровье у меня.

Томас опять замолчал и жалко растянул губы в странное подобие улыбки.

– У меня немеют руки и уже отнимались пальцы на левой руке, – сказал он вдруг и тут же добавил: – Это, наверное, оттого, что я сидел всю жизнь, скрючившись, согнувшись, и резал мебель, да и сейчас режу... Поэтому я и толстый. Но понимаешь... Мне как-то совсем неважно, как я выгляжу.

Капитан молча сел. Тут в дверь постучали, и когда Томас, порывисто обернувшись, разрешил войти, в гостиную проскользнула служанка и сказала чуть слышно, что стол к обеду накрыт, и госпожа просит джентльменов в столовую.

Томас Чиппендейл поспешно улыбнулся.

– Пойдём, Дэн, пообедаем, – сказал он. – Ты же знаешь, у меня за столом по-простому, не то, что у сэра Джилберта Хескота.

– Это твой основной заказчик? – спросил капитан, поднимаясь.

– Да, я сейчас делаю ему мебель для его дома в Фулхэме, – ответил Томас. – Иногда он приглашает меня отобедать... Так у него за столом так много приборов, что кажется – помешай чай не той ложечкой, и он будет не сладкий.

Томас направился к двери. Капитан пошёл за ним со словами:

– Том, если ты позволишь, я не останусь к обеду... У меня сегодня есть ещё одно маленькое дело.

Томас обернулся и взгляделся в друга. Видимо, он что-то прочитал у него в глазах, потому что быстро спросил:

– Женщина?

Капитан чуть отвёл взгляд, словно не зная, что сказать, потом пробормотал немного смущённо:

– Да... От тебя ничего не скроешь.

Элен была необыкновенно красива и нежна.

А ещё она много говорила, когда они не были в постели. Нет, она хорошо говорила, умно, порой забавно, но она говорила беспрестанно, словно старалась не умолкать специально, словно боялась, что когда она замолчит, то возникнет та пауза, от которой им двоим вдруг станет неловко... А может быть, она хотела развлечь его! И, наверное, поэтому, она говорила и говорила, перемежая фразы взрывами смеха, захлёбываясь в этом смехе, весёлом и радостном, перебивая

себя и, казалось, не слушая себя и не слушая его, и скоро капитан переставал отвечать ей что-либо, он только смотрел на неё и улыбался, и думал, как хорошо будет, если она вдруг замолчит, и как хорошо, когда люди умеют молчать, даже находясь вдвоём, и особенно, находясь вдвоём, потому что вдвоём слова не всегда нужны.

Вот и в этот раз, молча, с улыбкой, выслушав всё, что Элен говорила ему и пробыв у неё время, отвечающее приличию, капитан простился и поехал к себе в гостиницу.

Ночью он увидел сон: к нему в дом пришла Элен и стала что-то рассказывать. Какие это были слова – если он даже и помнил сначала, то забыл тут же, в первое мгновение после пробуждения... Но что он запомнил совершенно определённо, так это её уши. Они были закрыты причёской – длинными волосами, серыми и невыразительными, словно седыми, которые сбились с одного бока и приоткрыли ухо. Ухо у Элен было двухслойное, и даже многослойное: её ушная раковина была скручена и вырезана лепестками, как половинка кожного цветка телесного цвета. И это было очень противно.

Больше капитан у Элен не был, а через два дня, закончив все свои дела в Лондоне, он выехал в Бристоль.

По приезде в Бристоль капитан огорошил мистера Трелони своей новой идеей.

– Мне пришла в голову мысль отправиться в Вест-Индию на двух кораблях, – сказал капитан.

– На двух кораблях? – переспросил мистер Трелони, словно он не расслышал слов капитана.

– Да, Джордж, – подтвердил капитан. – Этакой маленькой Непобедимой Армадой. Нам всегда этого с вами так не хватало, вспомните!

Сквайр проговорил неуверенно, в раздумье, словно советуясь:

– Идти на двух кораблях с разным тоннажем, с разной скоростью и с разным управлением из-за грузов?

– Да, я знаю... Это сложно, – ответил капитан. – Но зато сулит большие преимущества в обороноспособности.

– Ну, если в обороноспособности, – повторил сквайр и добавил неуверенно. – Вторым кораблём может быть «Король Эдуард»... Пока вы были в Лондоне, он вернулся с грузом какао и сахара с Ямайки. Кстати, его капитан Ричард Слоу должен сейчас прийти ко мне. Вы же с ним знакомы?

– Знаком, – несколько невнятно ответил капитан и, тут же спохватившись, проговорил громче специально для сквайра: – Имел счастье!

– Он у меня служит уже пять лет, – пояснил сквайр. – И хорошо зарекомендовал себя.

Капитан наклонил голову в знак того, что слышал.

– Какао сейчас в удивительной цене, – произнёс сквайр довольно, одёргивая манжеты. – И подумать только, что сначала английские пираты, находя на захваченных испанских судах какао-бобы, выбрасывали их за борт в полной уверенно-

сти, что это овечий помет, который испанцы зачем-то везут с собой в мешках через весь океан.

Он засмеялся, а капитан, скупо усмехнувшись, добавил:

– Да если бы кто-то не догадался добавить в шоколад сахар, все по-прежнему бы морщились, пробуя его... Ведь ацтеки, рецепт которых Кортес привёз в Испанию, пили шоколад горьким, обильно сдабривая его острыми специями.

Сквайр опять довольно засмеялся.

– Я был недавно на фабрике шоколада мистера Фрея, – стал вдруг рассказывать он. – Вы знаете, Дэниэл? Производство у него налажено поистине с английской солидностью... Всякие специальные гидравлические станки... И другие занятные штуки для переработки и размола бобов какао. Я просто засмотрелся!

– Однако, эта его механизированная фабрика, первая в Англии, здорово снизила цены на шоколад, – ответил капитан.

– Да, снизила, – согласился сквайр и тут же заспорил: – Но зато сделала шоколад более популярным! Только у нас в Бристоле открылось три Шоколадных дома... И они даже популярнее кофеен.

– Вот это я хорошо знаю, – ответил капитан, сдержанно улыбаясь. – Сильвия и дети оттуда не вылезают.

Тут, постучав, вошёл дворецкий – это был уже известный нам Джим Эверсли, который все эти годы служил у миссис Трелони и даже дослужился до дворецкого.

– К вам капитан Слоу, сэр, – объявил он мистеру Трелони с большим достоинством.

– Зови, зови, – быстро приказал тот, вставая навстречу гостю.

В гостиную вошёл капитан Ричард Слоу. Мистер Трелони встретил его словами:

– А мы тут вас с нетерпением ждём, капитан.

Капитан Слоу поклонился мистеру Трелони, потом раскланялся с капитаном и по-военному тут же доложил своему нанимателю:

– Я уже разгрузился и полностью передал груз на фабрику мистера Фрея, сэр.

Капитан Слоу был высоким сильным человеком лет пятидесяти. Глядя на него, сразу становилось понятно, что время сильно изменило черты его загорелого лица, бывшего когда-то довольно привлекательным. Теперь же это невнятное лицо было словно смято и стёрто временем. От былой привлекательности капитана Слоу остались, пожалуй, одни глаза – красивые, тёмные, внимательные. Голова была лысой, и только около ушей и на затылке виднелись пряди седоватых волос, стянутые сзади в хвост. Эта голова с достоинством покоилась на мощной тёмной шее, переходящей в такую же мощную грудь, почти не различимую теперь под кружевами. Крепкие смуглые руки капитана Слоу так же прикрывали кружевные манжеты. Одет он был в жюстокор синего цвета, который сидел на нём не без изящества, что при всей гро-

моздкости его фигуры выглядело несколько странно.

Мистер Трелони посвятил капитана Слоу в свои планы сделать «Короля Эдуарда» вторым кораблём своей новой экспедиции.

– Я хочу лично разыскать свою невестку и своего племянника, – пояснил сквайр.

Капитан Слоу склонил голову в знак согласия: как и каждый человек, привыкший командовать, говорил он редко и в обществе был немногословен.

– Капитан Слоу, – неожиданно обратился к нему капитан. – Вы не будете против поменять своего штурмана на моего мистера Пендайса?

– Я знаю мистера Пендайса, как отличного и опытного штурмана, – ответил капитан Слоу после минутного колебания. – Я думаю, мы с ним сработаемся.

– Дэниэл, а кто же пойдёт вашим штурманом? – удивлённо спросил сквайр: он непонимающе посмотрел на капитана.

– Я думаю, Платон, – ответил капитан.

– Платон? – переспросил сквайр.

– Да, – твёрдо ответил капитан. – Я уверен, что через пару лет наш Платон сможет претендовать на штурманский патент от флотской коллегии. А Роберт Саввинлоу пойдёт к нему подштурманом или квартирмейстером... Думаю, вдвоём они справятся с кораблевождением и исчислением курса. Да и боцман Гант им поможет. Он у меня молодчина.

– Ну, если вы уже всё продумали, – протянул сквайр и, об-

ращаясь к капитану Слоу, добавил: – Пойдём вдоль Западного берега Африки. Эти воды вам, я уверен, хорошо знакомы.

– Да, конечно... Можно сказать, я только что оттуда, – охотно согласился капитан Слоу, он, казалось, совсем не был огорошен тем, что, едва вернувшись домой, на родину, тут же отправляется в новый рейс.

– Адмиралом нашей маленькой «армады» я назначаю капитана Линча, – пояснил мистер Трелони.

– Без лишних слов последую за ним в кильватере, сэр, – ответил капитан Слоу и почтительно поклонился в сторону капитана.

– Ну и великолепно! – подытожил мистер Трелони.

Какое-то время джентльмены молчали. Потом мистер Трелони заговорил о погоде, но поддержав недолго этот разговор, капитан Слоу неожиданно прервался и обратился к капитану:

– Вы ведь тоже только что вернулись из Бомбея, капитан Линч?

Тот склонил голову в знак согласия.

– Вы ничего не слыхали про капитана Факел? – спросил капитан Слоу, заулыбался и продолжил, уже больше обращаясь к мистеру Трелони: – Ходят слухи, будто появился в Индийском океане какой-то сумасшедший капитан, который в минуты опасности появляется на палубе с горящим факелом в руках и грозитя подорвать свою шхуну, если кто сунется взять её на бордаж.

Капитан Слоу замолчал и пытливо посмотрел на капитана, словно ожидая от него определённого эффекта.

– Ну, да... Поговаривают что-то, – невнятно ответил тот, потом быстро глянул на мистера Трелони и спросил у капитана Слоу: – А откуда вы про это в таких подробностях знаете, капитан?

– Так ведь... Матросы рассказывают, капитан, – с недоумённой интонацией ответил капитан Слоу и развёл руками.

– А что ещё рассказывают ваши матросы? – спросил капитан и лениво поменял позу, закинув ногу на ногу.

Тут за окнами раздался стук подъезжающего экипажа. Мистер Трелони встал и взглянул в окно.

– Приехала Сильвия, – сказал мистер Трелони капитану. – С маленьким Эдуардом.

Мистер Трелони вышел в прихожую. Через минуту он вернулся и сообщил:

– Она пошла к Гертруде.

Тут он посмотрел на капитана Слоу и спросил:

– Ведь вы уже знакомы с моей племянницей?

– Имел честь быть представленным миссис Линч в прошлом году, – ответил капитан Слоу и склонил голову.

Джентльмены опять заговорили о погоде. Через какое-то время в дверь постучали, она открылась, и в проём заглянула Сильвия.

– К вам можно, дядя? – спросила она. – Я ищу Дэниэла.

– Входи, дорогая... Мы уже закончили обсуждать все свои

серьёзные дела, – сказал мистер Трелони с нежной улыбкой.

Сильвия вошла в гостиную и огляделась. Капитан Слоу встал и склонился в поклоне. Капитан подошёл к жене и поцеловал её руку.

– Я знала, что застану тебя здесь, – сказала ему Сильвия и добавила: – Я привезла Эдуарда к маме... Я не знаю, что с ним делать.

Тут мистер Трелони спросил:

– Сильвия, ты же уже знакома с капитаном Слоу?

Сильвия посмотрела на капитана Слоу отсутствующим взглядом, потом зрочки её словно дрогнули, и она сказала ему, подходя ближе и протягивая руку для поцелуя:

– Здравствуйте, капитан Слоу... Простите меня! Я сегодня с утра сама не своя!

Капитан подвёл жену к креслу, в котором только что сидел сам, и усадил в него. Сильвия судорожно вздохнула и объяснила, глядя на капитана Слоу:

– Сегодня ночью умер Дик – любимый хомячок Эдуарда.

Она остановилась и, не дожидаясь расспросов мужа, сказала уже ему:

– Хорошо, что я увидела это первая и приказала хомячка быстрее убрать, пока сын не проснулся. А Эдуард теперь плачет, везде ищет своего Дика, думает, что тот убежал. Он так сильно плачет... Я не могу его успокоить!

Сильвия сжала подлокотники кресла и посмотрела на мужа широко раскрытыми глазами. Её взгляд выражал страда-

ние.

– Я хочу поговорить с мальчиком, – сказал капитан и посмотрел на мистера Трелони, который тут же вышел в двери.

Сильвия в своём кресле сложила руки и поднесла их к подбородку. За прошедшие годы она похорошела ещё больше, хотя капитану всегда казалось, что больше похорошеть уже невозможно. Её чёрные сверкающие глаза были опущены сейчас, чуть прикрыты красивыми веками и казались глубокими и бездонными в тени густых ресниц. Сильная, очень женственная фигура Сильвии замерла в ожидании сына, а на ярких губах застыла улыбка настолько сейчас нежная и страстная, что в её лице пропала обычная надменность, которую придавала ей чуть выступающая нижняя губка.

Дверь открылась. В неё неловко проскользнул маленький мальчик с заплаканным, несчастным личиком. За ним в гостиную входили мистер и миссис Трелони.

Мальчик увидел отца и бросился к нему. Капитан сделал пару шагов, присел перед сыном на корточки, оперев скрещенные руки на колени, и тихо спросил его:

– Почему ты сегодня плакал?

– От меня убежал мой хомячок... Мой Дик, – пролепетал мальчик и всхлипнул.

Тут капитан вздохнул, улыбнулся и сказал невообразимо грустным, проникновенным голосом:

– Он не убежал, Эдуард. Хомячок просто ушёл жениться. Он же не может жить один, без подруги.

Сын потрясённо посмотрел на него широко распахнутыми голубыми, по-детски ясными глазами. Капитан внезапно ощутил прилив удовольствия от близости этого маленького существа, простодушного и доверчивого, а главное, верящего ему беззаветно и любящего его, такого взрослого, большого и грубого человека. Ему захотелось поднять руку и приласкать нежные светлые волосики на макушке сына, но он почему-то смутился, бросил быстрый взгляд на капитана Слоу и сказал только:

– Ведь мы же мужчины... Мы всегда женимся.

Сын продолжал смотреть на него изумлённо. Потом взгляд мальчика переместился на мистера Трелони.

– И дядя Джордж женат, – сказал капитан, распознав значение этого взгляда.

Сын, глаза которого расширились ещё больше, повернулся всем телом к капитану Слоу.

– И капитан Слоу женат, – сказал капитан.

– А я? – тихо спросил мальчик.

– И ты тоже женишься, – ответил капитан и добавил с тихой улыбкой: – Когда вырастешь.

Тут мальчик неожиданно улыбнулся, открыто и радостно, и на его правой щёчке, только на ней одной, вдруг проступила маленькая ямочка, такая же дивная, как и у его матери. Он порывисто бросился к ней и зарылся лицом в её юбки. Сильвия стала гладить сына по голове, благодарно глядя на мужа повлажневшими глазами. Миссис Трелони просто-

душно заговорила о чём-то. Радостно улыбающийся мистер Трелони почему-то посмотрел на капитана Слоу.

Тот, прямой и высокий, сидел в кресле, напряжённо расставив ноги и сжав сильными руками подлокотники кресла. Глаза его, отчаянно распахнутые, выражали страдание и смотрели куда-то вглубь себя. Самый кончик носа мелко подёргивался. Это было так странно, что мистер Трелони в испуге отвёл взгляд, словно он невзначай подсмотрел за капитаном Слоу что-то неприличное, что-то для посторонних совсем не предназначенное.

Тут миссис Трелони громко сказала:

– Пойдёмте в сад пить чай!.. Сейчас придут Сара и наш доктор!

Через час капитан Слоу вышел из дверей дома Трелони и остановился на крыльце. Его лицо выражало растерянность.

– Весёленькое у нас будет плавание, в рот тебе нехорошо, – пробормотал он, надевая треуголку. – Придётся пойти с докладом к Жучиле.

Сильвия последнее время была сама не своя: у неё ныло сердце, как в предчувствии чего-то ужасного.

Спала она теперь плохо: во сне её шея словно опутывалась верёвкой, и она просыпалась от невозможности дышать, вставала и долго сидела на постели, пока у неё не коченели руки и ноги. Непонятная тревога томила её – она чувствовала по особой нежности к ней мужа, что в Лондон он ездил

не просто так, что в Лондон он ездил к женщине, которая у него там была.

– Вы видите птицу? – вдруг вспомнила она его дрожащий голос из далёкого прошлого.

И вместе с её ответом (Нет, я вижу водопад...) ей вспомнились погашенные свечи, и душный табачный дым, и феерическое видение то ли замков, то ли гор, то ли замков в горах... Случайное касание рук... Он заходит к ней со спины и почти обнимает... Её сердце стучит на всю комнату... И вместе с биением её сердца – пронзающий озноб, и страх, и тайный трепет, готовый слиться с его огнём в один костёр, в один пожар, в один сжигающий вулкан... А дальше, дальше... Его холодные глаза плывут голубизной, затягиваясь, заволакиваясь до краёв мучительной истомой, и твёрдый, всегда жёсткий рот вдруг обмякает, приоткрывая язык, дрожащий вместе с её телом в одном безумном исступлении...

Сильвия застонала, резко повернулась к зеркалу и невольно вгляделась в него: на неё смотрела чужая, совсем незнакомая ей женщина с белым, отчаявшимся лицом и горячечными глазами. Сильвия попробовала улыбнуться себе в зеркале, но губы её отражения вдруг туманяще дрогнули двумя бледными полосками. Она отвернулась от зеркала и, опять прислонившись к консольному столику, долго стояла так, слушая, как трепещет её взбудораженное сердце.

Из задумчивости её вывел голос мужа.

– Я заскочил ненадолго, – сказал он, входя в комнату. –

Огромная куча дел, но захотелось увидеть тебя... И попить с тобой чаю.

Он подошёл, улыбаясь, взял её белую безвольную руку своими сильными руками и поцеловал в запястье, чего не делал уже давно. У Сильвии опять отчаянно забилося сердце. Она всмотрелась в него – во всей сильной фигуре мужа виделась ей властность и уверенность, но на лице его, всегда таком твёрдом и независимом, её вдруг поразило выражение потерянности и какой-то странной покорности, которая бывает у собаки, когда она знает, что виновата.

Словно наткнувшись на её взгляд, он неловко спросил:

– Что дети?.. Все здоровы?

– Да, здоровы, – ответила она и быстро добавила: – Пойду, распоряжусь о чае.

За чаем они сначала молчали, а потом он вдруг стал что-то рассказывать, и глаза его оживлённо заблестели, но привычная волна нетерпеливого раздражения при звуке его голоса, его довольного рассказа, уже стала охватывать её. Скоро Сильвия поймала себя на мысли, что не слушает мужа. Она попыталась сосредоточиться и неожиданно для себя выхватила из потока его слов одно слово – «доброта».

– Доброта? – переспросила она, словно очнувшись. – И ты говоришь о доброте?

Капитан сбился и недоумённо посмотрел на неё.

– Что ты понимаешь в доброте? – язвительно спросила у него она, гордо поднимая голову.

Капитан молча откинулся на спинку стула. Лицо его, только что оживлённое, даже радостное, вдруг странно изменилось. Оно стало отчуждённым, злым и неприятным.

Наконец, он выдавил:

– Что я знаю о доброте?.. Всю жизнь я боялся, что меня назовут злым, недобрым и грубым. Всю жизнь я старался быть добрым ко всем и ровным со всеми. А это очень тяжело... Я так устал от этого!.. Но вот теперь, наконец-то, я решаю не быть добрым!.. И я, наконец-то, свободен!

Капитан встал, резко отодвинув свой стул, и почти прокричал:

– Я не добрый! Поэтому я никому ничего не должен! Я!.. Никому!.. Ничего!.. Не должен, чёрт побери!

Швырнув салфетку на стол, капитан вышел из комнаты, оставив дверь в столовую распахнутой настежь. Сильвия ахнула, ужаснувшись, и закрыла лицо руками – её испугал его взгляд, отстранённый, холодный и жестокий, как голодная смерть.

А капитан шёл по дому, и негодование душило его. Перед своим кабинетом он стал рвать ворот рубашки – кружева не давали ему дышать, стиснув горло. Он остановился и, наверное, поэтому услышал сдавленное рыдание. Отдёрнув руку от несчастного жабо, капитан резко обернулся. В углу, в глухой тени солнечного дня, он различил смутную фигуру служанки, припавшей лицом к стене на свои руки. Плечи её вздрагивали.

– Агата, что случилось? – быстро спросил капитан.

Он шагнул к служанке, уже внутренне успокаиваясь.

– Агата, что случилось? – опять, уже мягче, повторил он, трогая служанку за плечо и поворачивая её к себе.

Заплаканное, немолодое лицо служанки было смято от горя.

– Погиб мой брат, мистер Линч, – прошептала она. – Во время захвата «Фудруайана»... Он плавал на «Монмуте».

Капитан молчал, не зная, что сказать. Он только ещё крепче сжал плечо женщины, не спуская с неё внимательных глаз.

– У него остались жена и сын, – продолжала рассказывать та. – И я не знаю, как им помочь... Ведь они не проживут на одну пенсию!

Служанка опять разрыдалась.

– Ну... Конечно, – пробормотал капитан в растерянности перед горем женщины и спросил: – Сколько лет мальчику?

– Тринадцать, – всхлипывая и вытираясь руками, выговорила служанка.

– О, большой совсем, – сказал капитан, уже ощущая привычную почву под ногами. – Я возьму его к себе на «Архистар». Мне как раз юнга нужен. Ведь он же смышлён?

Служанка, заглушив в себе слёзы, стала что-то сбивчиво рассказывать про племянника.

Капитан, кивая головой, продолжил:

– А его мать пусть приходит в дом служанкой. Я скажу супруге, она её возьмёт. В общем, всё устроится.

Он растянул губы в улыбке, печально и ласково глядя на служанку, которая, опять залившись слезами, стала его горячо благодарить.

На следующее утро капитан уехал в Отли – по делам Томаса Чиппендейла, как он объяснил домашним. К завтраку Сильвия не вышла, сославшись на нездоровье, но, когда капитан уже садился в экипаж, слуга подал ему письмо от неё. В письме было всего две строчки:

«Скучаю по тебе. Скучаю по твоему голосу, по ямочке на подбородке, по нежности твоих голубых глаз, по строгости и чуткости рук... Скучаю по тебе! С. Л.»

Глава 2. Одноглазый матрос с Мадейры

Как вы уже знаете, дорогой читатель, корабль, которым командовал капитан Слоу, был бригантиной.

В книге по судостроению 1768 года «Архитектура торговых судов» её автор, шведский адмирал и конструктор Фредерик Генрик Чапмен, не различал бриг и бригантину, не видя в них особой разницы. Однако из других источников нам известно, что парусное оснащение брига и бригантины всё-таки было неодинаковым. В XVII веке бригантинами называли маленькие корабли, несущие на обеих мачтах прямые паруса. В XVIII веке бригантинами стали называть небольшие двухмачтовые суда с косыми парусами и прямыми парусами на мачтах. Кроме того, следует различать торговые и военные бригантины, которые кроме названия, больше ничего общего между собой не имеют.

Благодаря хорошим мореходным качествам бригантины длиной 20–28 метров и водоизмещением до 250–300 тонн в некоторых странах строят и в наше время, как спортивные и прогулочные суда.

Довольно крупная бригантина «Король Эдуард» имела, как и все бригантины, две мачты: более низкая передняя фок-мачта несла на себе прямые паруса, а более высокая зад-

няя грот-мачта – косые. Такое парусное вооружение позволяло кораблю эффективно идти, как фордевинд, так и бейдевинд. Корпус бригантины, чёрный в нижней части, сверху был окрашен в цвет охры с белыми полосками и чёрными «фальшивыми» пушечными портами. Крыша надстройки была белая при естественном цвете древесины всех остальных частей.

Капитан Ричард Слоу стоял на палубе своего корабля и смотрел в зрительную трубу на море. Его крепкие руки и грудь были обнажены и подставлены яркому солнцу, и теперь было заметно, что и руки, и грудь его покрывали густые тёмные волосы. Капитан Слоу был доволен: погода, наконец-то, установилась, и ветер уже не резал лицо подобно острым лезвиям ножей, а приятно ласкал его шею распущенными волосами.

Скоро капитан Слоу увидел колонию «португальских корабликов», идущую за шхуной в кильватерном строю и скривился от омерзения. Потом он заметил, что на «Архистар» подняли семафорный сигнал, поморщился ещё сильнее, поднял концом трубы поле своей шляпы и сказал:

– В рот тебе нехорошо! Эдак мы никогда не доплывём.

И тут же вперёдсмотрящий прокричал:

– Сигнал на штаге!.. Флагман ложится в дрейф!

Капитан Слоу сложил колена своей зрительной трубы о живот и крикнул к себе боцмана.

Мистер Трелони посмотрел за борт и увидел в море нечто необычное: по волнам медленно дрейфовали огромные пузыри.

Только эти забавные пузыри были не круглые, как мыльные, а продолговатые, похожие на дольки огромного полупрозрачного апельсина. И были эти полупрозрачные плёночные дольки великолепно расцвечены – нижняя часть пузырей была синяя, а сверху у них находился роскошный складчатый пурпурный гребень, который к тому же весь переливался всеми цветами радуги... «Какая красота», – подумал он, быстро пошёл за багром, вернулся с ним к борту и, перегнувшись вниз, ловко поддел один из пузырей с волны.

Крайне довольный собой, сквайр стал подтягивать странный пузырь к себе. За пузырём, совсем небольшим, всего около фута длиной, неожиданно потянулись щупальца, и это почему-то неприятно поразило сквайра: щупальца были противного чернильного цвета и угрожающе болтались в воздухе. Мистер Трелони уже был готов сбросить страшноватый пузырь в воду, как тот вдруг осклизло сполз по багру, и одно из щупалец упало ему на руку.

Сквайра пробил озноб, и нестерпимая боль охватила его, словно к нему на руку попало кипящее масло. Вне себя от боли, от страха, он суматошно попытался стряхнуть страшное щупальце с себя другой рукой – и вновь словно тысячи мельчайших огненных игл вонзились ему под кожу, под ногти, в мышцы, и вторая кисть руки онемела, как и первая, а

щемящая боль побежала в подмышки.

Сквайр закричал и глянул по сторонам: к нему уже ото всюду мчались матросы, и что-то кричал подбегающий доктор Легг, испуганное лицо которого сквайр ещё сумел выхватить краем тускнеющего сознания среди других таких же испуганных лиц, но его уже терзали сильные рези в желудке, удушье подступило к горлу, сжав глотку невыносимо тесным кольцом, он несколько раз дёрнулся телом в судороге, а потом в глазах всё померкло, и темнота опрокинулась на него.

– Трёхмачтовая каракка⁵, – выговорил он и замертво свалился на палубу.

...каждый ихтиолог знает, что физалия, называемая по-другому «португальским корабlichem» – это вид колониальных гидроидных из отряда сифонофор, колония которого состоит из полиповидных и медузоподобных существ. Тело физалии представляет собой сложный гидростатический аппарат, позволяющий ей, изменяя свой вес, погружаться и всплывать в воде при изменении погодных условий. Крупный прозрачный пузырь на одном конце колонии физалии, называемый, как известно, пневматофор, заполнен газом и удерживает её на поверхности воды. Ловчие щупальца представителей этого вида содержат огромное количество стрекательных клеток, яд которых смертельно опасен для чело-

⁵ Каракка – большое парусное судно XI–XVI вв., распространённое по всей Европе. Впервые появились в Португалии и предназначались для плавания в Атлантическом океане.

века.

Каждый ихтиолог знает, что щупальца физалии могут быть разного размера – от 20 см и более у физалии атлантической. Тогда как у тихоокеанской физалии одно из щупалец, – так называемый арканчик, – длиннее, чем остальные и может достигать в длину более 13 м. Физалии собираются в группы и дрейфуют по поверхности океана. Питаются они, в основном, личинками рыб, а также мелкими рыбами и кальмарами: щупальца ловят, парализуют и подтаскивают добычу к центру колонии, к ротовому отверстию, где её обрабатывают другие полипы...

Очнулся сквайр на палубе. Рядом с ним на коленях стояли доктор и Платон, из-за их спин на него страшными глазами смотрел капитан, а ещё вокруг невыносимо воняло уксусом.

– Слава богу! – воскликнул доктор Легг. – Я же говорил, что при ожоге «португальским корабликом» трёхпроцентный уксус – это первейшее средство!.. Водой, морской или пресной, яд этой сифонофоры ни за что не смоешь, только хуже сделаешь.

Доктор наклонился к самому лицу сквайра и спросил у него:

– Джордж, как вы себя чувствуете?

– Странно, – ответил сквайр.

Не в силах поднять свои руки, он покосился на них – кожа на руках была синяя, она вздулась и сияла неприятным блеском. И тут глаза сквайра опять закатились, и он снова

потерял сознание.

– Всё, несём его в каюту! – вскричал доктор. – Будет чудо, если он останется жив!

Платон взял мистера Трелони на руки и понёс. Капитан крикнул Платону в спину:

– Мы возвращаемся на Мадейру!

Бригантина «Король Эдуард» и шхуна «Архистар» возвращались на остров Мадейра.

Макаронéзия – общее название для нескольких архипелагов, расположенных в Атлантическом океане недалеко от Европы и Африки. По-гречески «Макаронезия» означает «Блаженные острова» – так древние географы называли острова к западу от Гибралтарского пролива.

Остров Мадейра, дорогой читатель, расположен в Макаронезии к западу от побережья Марокко и к северу от Канарских островов. Это главный остров одноименного архипелага, находящегося в северной части Атлантического океана у северо-западного побережья Африки. По происхождению остров вулканический, относительно молодой и имеет трапещевидную форму, протяжённую с запада на восток. По сути, остров является верхней точкой подводного хребта, берега его довольно отвесны, хотя на нём существуют и пониженные участки.

Для большей части острова характерен мягкий океанический субтропический климат, особенностью которого явля-

ется его изменение с севера на юг – от умеренного субтропического до тропического. Кроме того, на острове выделяют несколько микроклиматов. Средняя температура морской воды определяется тёплым течением Гольфстрим. Растительность острова Мадейры богата и представлена реликтовыми тропическими лесами.

Некоторые историки уверены, что Мадейра была известна ещё древним римлянам. Официально же датой открытия архипелага считается 1418 год, когда португальцы Жуан Гонсалвеш Зарку и Триштау Ваз Тейшейра открыли сначала остров Порту-Санту, а затем, в следующем году, Мадейру.

С тех пор Мадейра всегда оставалась португальской...

Остров Мадейра, к которому приближались шхуна и бригантина, выглядел из океана, как масса бурых холмов, разнообразных глыб земли и конгломератов скал, брошенных в кучу и лезущих друг через друга всё выше и выше. В трёх милях от острова всё на нём ещё казалось голо и прикрыто густым мхом, но по мере приближения становилось понятно, что это не мох, а лес. Когда же корабли вплотную подошли к южному берегу острова, прекрасная панорама из группы гор, тесно прижавшихся к одной, главной горе, открылась перед ними: над этими горами висели тонкие и прозрачные, как кисея, облака, которые где-то наверху сеяли мелкий дождь, а главная гора опоясывалась радугами.

По этой горе, по её скату, тянулись виноградники и сады, а на полдороге с горы стояла церковь, господствующая и над

виноградниками, и над садами, и над самим городом Фуншал, что белел своими домишками на берегу. По всему берегу разносился колокольный звон и запах каких-то пряностей. На рейде бригантину и шхуну, как и в первый раз, окружили разнообразные лодки и шлюпки, предлагавшие апельсины и разные другие фрукты. Узнав, что на борту есть больной, а фрукты не нужны, португальские лодочники отчаливали.

Шлюпку с «Архистар», на которой неподвижного сквайра доставили на берег, с волной вынесло в кучу мелкой гальки. Матросы, засучив штаны, спрыгнули в прибой и на руках дотащили шлюпку до сухого места. Платон взял мистера Трелони на руки и понёс его к ближайшему ряду домов – улицы Фуншалы располагались амфитеатром и поднимались в гору прямо от берега.

За Платоном шёл капитан и доктор Легг, и доктор всё время боялся, что Платон может оступиться: идти по мостовой, вымощенной довольно неровным камнем, было неудобно. Скоро джентльмены смешались с местными жителями, которых на улицах в этот час было довольно много – высоких, бородатых и безусых португальцев и пестро одетых португалок, повязанных платками. Наконец, Платон благополучно донёс мистера Трелони до той гостиницы, где капитан решил остановиться.

«Король Эдуард» и «Архистар», чтобы встать на якорь, ушли к западной оконечности острова: гавани у Мадейры не было, и рейд возле Фуншалы из-за больших глубин был

неудобен для якорной стоянки кораблей.

Хозяин гостиницы, высокий статный мужчина со следами оспы на лице, увидев больного, сначала помрачнел, потом узнав, что больной обжёгся португальским корабликом, засуетился. Его жена, невысокая смуглая молодая женщина, обеспокоенно забегала тоже, показывая гостям самые лучшие комнаты. Сквайра, наконец, положили на кровать. С ним остался доктор Легг. Капитан и Платон вышли на улицу, намереваясь отправиться на рынок.

Рынок Фуншалы, как и каждый рынок южного приморского города, был шумен и пёстр.

Мужчины, женщины и дети, полураздетые негры и наглухо закутанные монахи, расхристанные матросы и степенные рыбаки сновали, сидели и даже лежали здесь среди повозок и корзин с горами капусты, кучами зелёного гороха, грудями артишоков и пучками порея, сельдерея, салата и прочей зелени. Горячие лучи солнца высвечивали среди этого зелёного великолепия розовые тона сырого мяса и белые пятна свиных голов, чёрные круги кровяных колбас и багровые стопки варёных языков, которые подпирали, не давая им развалиться, горшочки с жареной свининой, широкие глиняные миски с кусками варёной говядины в желе и огромные блюда с кружевными лоскутьями бараньих сальников. В многочисленных корзинах, несколько в стороне, стоял сегодняшней океанский улов – разнообразная рыба широко разевала пасти, пучила глаза, втягивала белые животы, изредка била

хвостами. От мокрых больших мешков с мидиями шёл свежий, волнующий запах морской травы, а дальше, дальше усилились столы со сливочным маслом, яйцами и сыром: масло выпирало из мокрых полотняных тряпок подобно острокопечным или наполовину стёсанным бугристым утёсам, яйца сияли меловой белизной в небольших ивовых корзинках, а сыры – и большие, как тележные колеса, и круглые блестящие, как лысые головы, и плоские мелкие, как медали, лежали волнующими грудями.

Вот возле этих сыров капитан и увидел странного матроса.

Матрос был смугл, трезв, гладко выбрит, имел по обе стороны лица красивые и ухоженные бакенбарды, и он с потрясённым видом пронзительным чёрным глазом смотрел на капитана. Второй глаз матроса был закрыт повязкой. Заметив, что на него обратили внимание, матрос вроде как запнулся, опустил поля своей шляпы на лицо и скрылся в толпе, обступившей торговку палочками сахарного тростника.

– Ты видел его? – спросил капитан у Платона.

– Да, – как всегда коротко ответил Платон.

– Мы с ним раньше нигде не встречались? – спросил капитан.

– Нет, – ответил Платон. – Я его не помню.

Капитан нашёл на рынке уксус и, не торгуясь, купил его в большой, оплетённой ивовыми прутьями бутылки. Платон сразу же взвалил бутылку к себе на плечо. Возвращались в

гостиницу они намеренно другой дорогой.

Они шли по улице, по обеим сторонам которой стояли дома в один, реже в два этажа, окружённые каменными заборами. В окнах этих очень простых на вид домов уже были опущены жалюзи, а кое-где из-за жары даже закрыты ставни. За заборами виднелись сады, и зелени везде было много – всё было обвито плющом, цвели и благоухали всевозможные растения, и даже сквозь мостовой камень, там, где он был, пробивалась мелкая пушистая травка. Улица резко спускалась вниз, к морю.

– Вот так здесь они и живут, на скалах, – сказал капитан. – И всё выращивают на террасах – и картофель, и цветы... Ниже по склону – виноградники, банановые плантации... На более высоких уступах пасут скот. Лёгкой эту жизнь я бы не назвал.

Подойдя к гостинице, капитан, сделав вид, что он вновь заговорил с Платоном, обернулся и незаметно посмотрел в конец улицы. Не увидев на ней ничего подозрительного, капитан коротко кивнул Платону, и они вошли в двери. И уже спустя какое-то время после их ухода в конце улицы появился странный одноглазый матрос, который принялся изучать фасад отеля от одного крайнего окна до другого.

Только капитан этого уже не видел, потому что он с Платоном вошёл в комнату, где возле лежащего без сознания мистера Трелони сидел доктор Легг.

Платон тут же подошёл к сквайру, лежащему на боку,

перевернул его на спину, нашёл свой амулет, сбившийся у сквайра на груди на сторону, и, поправив бечёвку, положил амулет сквайру на грудь ровно.

– Доктор, вы опять сбили амулет, – тихо сказал Платон.

– Но ты же знаешь, что лучшим положением для человека, потерявшего сознание, является так называемое стабилизованное, фиксированное положение на боку! – воскликнул доктор. – Когда голова, плечи и туловище не смещаются относительно друг друга.

– Да, доктор, это я знаю, – ответил Платон. – Но, если вы помните, колдун мандинка клал мой амулет именно на грудь... Амулет так работает.

– Да не знаем мы, как он работает! – вскричал доктор Легг с сердцем. – Может он вообще никак не работает!.. Или действует только на тебя!

Платон промолчал. В комнате ощутимо повисла напряжённая тишина.

– Как он, доктор? – спросил капитан, подходя к кровати сквайра.

– Так же, – ответил доктор Легг удручённо.

Капитан опустил глаза. Тут в комнату, постучав, вошла хозяйка и предложила господам отобедать. Только сейчас джентльмены рассмотрели, что она была хороша собой, хороша красотой южной, горячей – невысокого роста, смуглая, с ярким румянцем, ниспадающей на шею чёрной косой и большими нежными карими глазами, которые, не отрываясь,

смотрели на капитана, словно хозяйка разговаривала только с ним одним и никого в этой комнате больше не видела. Капитан утвердительно, но рассеянно кивнул хозяйке, соглашаясь пообедать.

Когда хозяйка вышла, доктор Легг, не оставивший, конечно, без внимания красоту женщины, сказал только:

– А она хорошо говорит по-английски.

– Тут многие португальцы хорошо говорят по-английски, – всё так же рассеянно ответил капитан. – наших соотечественников на Мадейре живёт много.

Конец дня прошёл в ожидании и ничего нового не принёс.

Ночью капитану приснился сон: он стоял на бетонных блоках и смотрел сверху вниз на женщин, которые полностью перекрыли уличное движение на проезжей части.

Лица у женщин были заплаканные, красные, они, отчаянно озираясь, смотрели кругом и друг на друга безумными, отрешёнными глазами. Часть из них угрюмо сидела на бетонных блоках, подложив под себя пальто и крепко сжав свои сумки, а те, кто стояли, всё время куда-то двигались, куда-то старались зайти, забраться, беспрестанно перемещаясь и цепляясь друг за друга и за плечи сидящих нагруженными руками. При этом женщины всё время что-то говорили друг другу, что-то повторяли друг другу с просительной интонацией, что-то друг другу пытались объяснить, доказать, друг друга явно не понимая, и, прислушавшись, капитан всё же сумел разобрать, вычленить в этом общем гуле отдельные

фразы, от которых у него защемило сердце, что-то подступило к горлу, какой-то удушающий густой комок, который не давал ему дышать, как он не старался сглотнуть, пересиливая себя и пропихивая этот проклятый комок поглубже, куда-то вниз, куда-то внутрь своего дрожащего от жалости тела, и уже просыпаясь, но ещё находясь во власти сна, капитан одним рывком сел на постели и уставился застывшим взглядом в темноту прямо перед собой...

Проснувшись окончательно, он вытер слёзы и пошёл в комнату к мистеру Трелони.

Там горела лампа, было почти светло, и в глазах у доктора Легга капитан вдруг увидел такое, что по телу его пошёл озноб, и ему стало нестерпимо холодно.

– Как он, доктор? – шёпотом спросил капитан.

– Так же, – тихо ответил доктор Легг, опуская глаза.

– Идите спать, я посижу сейчас с ним, – сказал капитан. –

Вам надо отдохнуть.

– Вы же сидите с ним после четырёх утра, – напомнил доктор.

– Ничего, я сейчас тоже посижу... Мне всё равно не спится, – ответил капитан.

Наступившее утро ничего нового в состоянии сквайра не принесло, и только к вечеру, к огромному облегчению доктора Легга, капитана и Платона, сквайр открыл глаза. Но он был очень плох, руками почти не владел – пальцы его не сжимались, локтевые суставы и предплечья ломило.

Джентльмены прожили в гостинице на Мадейре ещё неделю, и только через неделю «Архистар» и «Король Эдуард» вышли в открытое море.

Сквайр стоял на палубе и оживлённо крутил головой, что-то рассматривая в море, и доктор Легг подошёл и встал рядом, счастливо улыбаясь.

– Как интересно поведение этих поверхностных косяков рыбы, – сказал сквайр доктору.

Доктор покосился за борт.

– Это сардинелла, – сказал он и опять стал смотреть на сквайра.

– Ну, пусть сардинелла, – согласился тот. – Так вот, эта сардинелла то исчезает, опускаясь на глубину, то двигается по поверхности с приятным шумом... Никак не пойму, что мне этот шум напоминает.

Доктор Легг продолжал с улыбкой смотреть на сквайра. Вокруг усталых глаз доктора сгустилась сеточка морщин, делая его простое лицо удивительно привлекательным. Сквайр, оторвавшись от созерцания водной поверхности, вопросительно посмотрел на доктора и тоже заулыбался.

– Напоминает что-то очень знакомое, но я никак не могу вспомнить, – повторил он.

– Косяки шарахаются от хищников, которые атакуют их со всех сторон... А шум напоминает вам, мистер Трелони, шум летнего дождя, – наконец, сказал доктор.

– Точно! – обрадованно воскликнул сквайр и опять посмотрел за борт, закрутив головой в поисках косяка рыбы. – Как совершенно точно вы выразились, доктор!.. Дождя!.. А я всё никак не мог понять! Дождя же, конечно! Пойду, запишу это в свою тетрадь, чтобы не забыть.

Сквайр, неловко качаясь, как мог быстро пошёл к себе в каюту. За ванты или за что-нибудь другое он по пути не держался, совсем как заправский моряк, и доктор Легг, вспомнив, почему он это делает, перестал улыбаться. Доктор нахмурился, рассеянно посмотрел в море и увидел невдалеке торчащий над водой треугольный акулий плавник. И тут же косяк рыбы опять обозначил своё присутствие и пошёл по поверхности воды. Акула стала медленно приближаться к косяку и, подойдя поближе, стремительно бросилась к нему. Сардинелла вновь ушла на глубину.

Доктор услышал истошный голос боцмана Ганта.

– Пошёл, пошёл, требуха свиная! – насмешливо орал боцман. – Что растопырился, как чёртова ёлка!

Доктор посмотрел туда, куда глядели все незанятые матросы вахты, столпившиеся на палубе – на бизань-мачту. На ней, отчаянно цепляясь за ванты, карабкался вверх новый юнга «Архистар». Наконец, он уселся на салинге⁶, и несколько напуганный доктор Легг перевёл дыхание – ветер сегодня был свежий, и качало изрядно.

⁶ Салинг – рама из брусьев, служащая для соединения стеньги с её продолжением в высоту и для крепления снастей.

Нового юнга звали Уиллом. Это был невысокий худой мальчик со светлыми волосами и озорными голубыми глазами. Доктор Легг часто видел его на палубе то с большим котлом снеди, который он вместе с новым коком Шиле тащил в кубрик к матросам, то у себя в каюте, где юнга Уилл, приседая из-за качки с подносом в руках, старался не опрокинуть его обед. Теперь юнга под руководством боцмана Ганта пытался понять и прочувствовать, что такое парусный аврал.

Доктор подошёл к боцману и тоже с интересом посмотрел вверх. Потом, перебросившись с боцманом несколькими незначительными фразами, доктор прикрылся рукой, изящно зевнул и пробормотал:

– А не пойти ли мне к себе? Сегодня я что-то с утра не выспавшийся... Всю ночь волна била в корму. Я всё время просыпался в испуге.

И он задумчиво посмотрел на боцмана. Боцман Гант молчал, смутно улыбаясь доктору и посматривая время от времени наверх на юнга. Доктор тоже молчал, он тоже посматривал то на боцмана, то на юнга, задумчиво терзая свой рыжий бакенбард. Наконец, доктор решился.

– Пойду всё-таки, – сказал он. – Положу на глаза чёрные метки.

Перед вечерним чаем, который по старой традиции по-прежнему накрывали на ступенях квартердека, мистер Трелони и доктор Легг снова появились на палубе.

– Сегодня хороший вечер, чтобы пойти к капитану и

узнать про наш теперешний курс, – сказал сквайр.

– А вы разве не знаете, дружище? – удивлённо спросил доктор и добавил: – Ведь Платон нам уже рассказывал.

– Не слушай песен пролетающих птиц, – ответил сквайр и со значением, хитро прищурился. – Я хочу узнать у капитана.

– Ах, у капитана? – подхватил доктор Легг, вдруг тоже улыбнувшись. – Да-да-да!.. Давайте спросим.

И они поднялись на кварталдек.

– Наш теперешний курс – Западная Африка, устье реки Сенегал, – сказал капитан, совсем не удивившись вопросу. – Климат в тех местах... Там, где находится бывший французский форт Сен-Луи – переходный к тропическому, а южнее – субэкваториальный... Температура воздуха, как правило, жаркая, колеблется в зависимости от сезона, но незначительно. С ноября по апрель здесь властвует сухой северо-восточный ветер-хармааттан из Сахары, а с мая по октябрь влажный юго-западный муссон приносит обильные дожди... И больше всего дождей выпадает на юге атлантического побережья... Там сезон дождей длится от трёх до пяти месяцев, а на севере всего один или два месяца, но эти ливни весьма кратковременные... И сильной жары на этом побережье не бывает благодаря регулярно дующим с моря бризам, а ночи, как правило, там прохладные.

Европейцы в тех местах появились в середине XV века. Это была португальская экспедиция Диниша Диаша, ко-

торая достигла устья реки Сенегал. Позднее европейцы, а именно, голландцы, обосновались южнее, на полуострове Зелёный Мыс. Там есть деревня Н'Дакара, а в море остров Иль-де-Гори – по-туземному остров называется Ндьян. Вот этот остров и стал крупнейшим центром работорговли в этих местах. Затем остров переходил то к нам, то к французам. А к нашему времени Франция утвердила за собой господство над здешней торговлей, в которой всё большее значение приобрела работорговля... Мы в Н'Дакару не будем заходить, разумеется.

Кок Шиле накрыл чай на лестнице, и сквайр с доктором Леггом спустились с квартердека и встали возле ступеней. Но скоро сквайр опять поднялся на квартердек.

– Я там плохо слышу вас, капитан, – сказал он со смущённой улыбкой.

– Вы стали хуже слышать, мистер Трелони? – быстро спросил у него доктор Легг, и лицо его приняло озабоченное выражение.

Сквайр поспешил его успокоить.

– Нет-нет, доктор... Мне кажется, я слышу так же, – сказал он. – Только я хорошо слышу скрип такелажа и шум волн, но совершенно невнятно звуки речи... Даже, пожалуй, как мне кажется, все эти звуки, которые я слышу очень хорошо со всех сторон, накладываются на звуки речи и забывают их.

Всё это время капитан стоял и внимательно смотрел на

сквайра. Потом он опять стал рассказывать, только громче:

– Схема работорговли была и остаётся и по сей день простая. Местные африканские царьки со своими дружинами, используя европейское огнестрельное оружие, совершают набеги на соседей для захвата пленников с последующей их продажей европейцам... К тому же со временем между ними усилилось соперничество за контроль над торговлей с европейцами. Это часто выливается в войны, приводит к ослаблению местных государств и облегчает колонизацию для нас, европейцев.

А из государств в тех местах существует государство народа фульбе, с которым мы с вами уже встречались... Ещё здесь проживает народ мандинка, который мы тоже с вами знаем. Ещё народности тукулёр, серер, сонинке и волоф. Вроде бы здесь есть и другие государства – Син, Баол, Кайор, Вало и Салум. Но как вы понимаете, чётких границ у этих государств нет, потому что жители кочуют за своим скотом, кроме тех, конечно, кто занимается земледелием – это, как правило, чернокожие африканцы. И большинство жителей – мусульмане-сунниты, хотя часть придерживается традиционных верований. Да вы сами скоро всё увидите, джентльмены! Сейчас, как вы знаете, форт Сен-Луи – наш, английский.

Капитан замолчал, но общий разговор всё как-то не завязывался – все молчали тоже. Было тихо, как только может быть тихо на парусном корабле в открытом море. Ветер дул неизменно. Солнце медленно садилось в воду, и закатный

свет заливал полнеба. Мистер Трелони, стоя на четвердеке с чашкой вечернего чая, следил за солнцем, ожидая, когда оно сожмётся, сплющится и медленно утонет в море. Доктор Легг, стоя внизу на палубе, осторожно и задумчиво поставил свою чашку на поднос.

Неожиданно они услышали гитарные переборы: со стороны бака кто-то трогал струны, и они звенели нежно, как весенние пчелы. Потом из переборов сложилась музыка, явно испанская, пленительная.

– Кто это у нас теперь играет? – спросил капитан у Платона.

– Оказалось, что наш новый юнга Уилл играет на гитаре, – ответил Платон. – И неплохо играет.

– Да, неплохо, – согласился мистер Трелони и сказал капитану: – И, кажется, я узнаю этот романсеро. Вы его пели на Тортуге, капитан. Или что-то подобное пели, помните?

– Я?.. Пел? – удивился капитан. – Я не умею петь, мистер Трелони. Вы же знаете.

Капитан отвернулся к рулевому. Мистер Трелони потрясённо посмотрел на доктора Легга. У того на лице тоже было написано недоумение, потом доктор пожал плечами и пробормотал себе под нос:

– То, что перестаёт получаться, перестаёт и привлекать!
Мистер Трелони грустно улыбнулся.

Глава 3. Старый французский форт Сен-Луи

Наконец, однажды, вдали смутно показался плоский серый африканский берег, кое-где поросший высоким кустарником и низкими деревьями.

Но был уже вечер, к тому же штормило, и высадку капитан назначил на завтрашнее утро. С «Архистар» отсалютовали форту и бросили якорь. За вечерним чаем джентльмены разговорились опять об этих местах.

– Сен-Луи-де-Фор, или по-простому Сен-Луи, основали французские купцы в устье реки Сенегал на острове Н'Дар, как на местном наречии называется остров, – сказал капитан и переспросил у Платона: – Ты не помнишь, в каком году?

– В 1659, – ответил Платон.

– Да. При Людовике XIV, – согласился капитан. – И не случайно французы назвали этот опорный пункт своей торговли с внутренними районами Африки в честь своего короля. Ведь при короле-Солнце Франция превратилась в самую могущественную державу Европы. И эти земли стали основным поставщиком в Европу камеди – этого незаменимого сырья для фармацевтики, кондитерского дела, а особенно для крашения тканей... Я уже не говорю о том, что

отсюда вывозят ещё золото, воск, неотделанные кожи, слоновую кость, хлопок, кофе, какао, корицу, индиго, табак... И, главное, о чём всегда стыдливо умалчивается – чернокожих рабов.

– Но теперь эти земли наши, – напомнил мистер Трелони.

– Да, мистер Трелони, с мая месяца... Вот только надолго ли? – ответил капитан. – Взяли форт легко, потому что защищать было почти некому. Здешний климат здоровым не назовёшь: огромная влажность, песчаные и пыльные бури из Сахары.

– Жёлтая лихорадка, кишечные заболевания и малярия, – подсказал доктор Легг. – Остров Сен-Луи прозвали «могилой европейцев».

– Но форт на острове занимает стратегически важное положение между континентом и полуостровом Ланге-де-Бер-Бери, – сказал капитан. – Этот полуостров, а скорее длинная коса, образованная наносами из реки Сенегал и океанскими приливами, ограждает форт от океана, но препятствует проходу кораблей в реку.

– Капитан, всё хотел у вас спросить, – сказал вдруг мистер Трелони, словно бы решившись. – Зачем мы сюда пришли?

– Мне надо передать письмо здешнему коменданту майору Карнетту, – ответил капитан и, предупреждая вопрос мистера Трелони, пояснил: – Он ирландец.

– Письмо? – переспросил доктор Легг со значением. – Опять ваши секретные секреты, капитан?

– Да, всего лишь письмо... Я передам письмо, мы запасёмся водой и провизией и поднимем якорь, – сказал капитан, словно не замечая вопроса доктора, потом добавил: – Пойдёмте спать, джентльмены. Завтра у нас насыщенный день.

Ночью капитану приснился сон: он пошёл в кино, чтобы убить время, и сел на задние ряды, – играть он сегодня не собирался, ему просто хотелось посмотреть на игру других зрителей. Фильм назывался «Спартак, первая часть», он рассказывал о том времени, когда Спартак был гладиатором.

Свет медленно погас, и в зале возник римский амфитеатр, арену которого обходили гладиаторы. Это нужно было для того, чтобы зрители в зале выбрали себе героя, за которого они будут сражаться на сегодняшнем сеансе.

Капитан смотрел, как по арене цирка шли бравые ретиарии и мирмиллоны, за ними следовали лаквеаторы, вооружённые трезубцами и сетями, в которые они должны будут ловить секуторов, вооружённых щитами и мечами. Далее двигались гордые гладиаторы-фракийцы с искривлёнными мечами и маленькими квадратными щитами, после них – рослые и крепкие гладиаторы-самниты, отличающиеся красотой и воинственной наружностью, а завершали шествие андабаты, одетые в одни туники и вооружённые короткими клинками, похожими на большие ножи.

Когда колонна бойцов поравнялась с консульской ложей, они воскликнули хором:

– Привет тебе, диктатор!

Диктатор Сулла поднял руку, и битва завязалась. Металлические звуки от ударов щитов и мечей резко зазвучали среди глубокой тишины кинотеатра, полетели перья со шлемов, брызнули во все стороны осколки поножей и куски разбитых щитов, замелькали трезубцы и сети. Арену обагрила кровь, гладиаторы тяжело дышали и яростно теснили друг друга, посылаемые зрителями. В общем, было, как всегда интересно и всё равно, кто победит. Всё было, как обычно бывает в кино, пока взгляд капитана не наткнулся на стоящую возле прохода клетку с чёрной пантерой.

Жёлтые глаза пантеры поразили его. Они смотрели потрясённо и по-детски просительно, в них были мольба и безмолвный укор, и страдание, и такая жажда свободы, что острая, невыносимая жалость пронзила его и холодком прошла по спине. Он застонал, как от боли, и послал ближайшего гладиатора, дерущегося в этот момент с кем-то, открыть дверь клетки.

Капитан вывел пантеру на арену, и первым ударом её лапы отбросил фракийца, загораживающего ей путь. В минуту всё смешалось. Бой прервался, пантера прыжками двигалась к выходу из цирка, нанося мощные удары, шипя и огрызаясь. Её чёрное тело двигалось гибко и стремительно – это капитан вёл пантеру на волю.

Растерянные зрители стали вскакивать со своих мест, оглядываясь и ругаясь. Они старались найти в зале того, кто испортил им бой, а капитан смотрел вслед дикой кошке, всё

смотрел и смотрел, и проснулся только тогда, когда потерял её из вида...

С этой ночи капитан стал чувствовать опасность для себя, для себя самого, словно кто-то искал его из-за этой пантеры. Это была странная мысль, он гнал её от себя, но она всё равно приходила и оставалась с ним, а потом другие его странные мысли стали путаться в голове, переплетаясь и накладываясь на мысль о пантере, и этих мыслей было много, и они были разные, всё неотложные и первоочередные, и постепенно они стёрли, отодвинули мысль о пантере в сторону.

Но, как потом оказалось, не навсегда.

Утром ветра уже не было.

Зато неизменно ярко светило солнце, и, выйдя на палубу, сквайр сразу почувствовал оупляющую влажность, стоящую над океаном. Скользнув по скучному, ничем не примечательному берегу глазами, он поглядел за борт и увидел, что вокруг шхуны далеко в море уходит полоса жёлто-бурой воды.

– Что это? – спросил мистер Трелони у капитана.

– Это воды реки Сенегал, впадающей в море, сэр, – ответил капитан. – Она такая у них тут прозрачная.

Из амбразуры небольшой, стоявшей на берегу, крепости взвился дым. Вслед за пушечным выстрелом над крепостью появился флаг. Мистер Трелони поднял к глазу подзорную трубу, посмотрел какое-то время на флаг, потом сказал:

– Ветра нет... Совершенно непонятно – чей это флаг.

– Даже не сомневайтесь, мистер Трелони... Флаг – британский, – сказал капитан и крикнул спустать шлюпки.

Сквайр продолжал рассматривать крепость. Наконец, от дуновения ветра флаг лениво развернулся на флагштоке, явив пристальному взору сквайра красный крест на синем фоне – символ Великобритании.

Джентльмены высадились на берег в том месте, где на удивительно толстых столбах стоял навес, крытый пальмовыми листьями, рядом с которым лежали ярко покрашенные лодки-долблѐнки. Из-за того, что накануне сильно штормило, весь песок был усеян морской травой и рыбами-ежами.

– Укол колючками этой рыбы болезненный и представляет опасность для неосторожных пловцов, – веско сказал доктор Легг юнге и прищурил насмешливо хорошие глаза.

Капитан разрешил юнге Уиллу сойти на берег после ходатайства мистера Трелони и доктора Легга, которые обещали присмотреть за мальчиком. Сейчас юнгу «штормило» с непривычки, и джентльмены, которых тоже «штормило» в разной степени, не торопились сразу уйти от шлюпки.

Мистер Трелони посмотрел на океан, и тот показался ему не огромным количеством воды, а огромным количеством света: океан, впитавший в себя, казалось, всё африканское солнце, нёс такую ослепительную, такую пронзительную бирюзовую ясность, что сквайр готов был поклясться – вот сейчас он залезет на самый дальний камень в воде, приставит

руку козырьком к глазам, прищурится и легко различит прямо перед собой берег Америки.

Капитан присмотрелся к сквайру и спросил:

– Что, мистер Трелони? Хотите Америку увидеть?

Сквайр удивлённо вскинул глаза на капитана.

Тот скупно улыбнулся и добавил:

– Америку надо смотреть на мысе Альмади – самой западной точке полуострова Зелёный мыс и самой крайней точке Западной Африки... Там такая чистота воздуха, что так и кажется: приставишь зрительную трубу к глазу – и вот она, далёкая Америка, до которой, между прочим, ещё плыть и плыть.

К ним уже бежали чернокожие женщины, размахивая жёлтыми кудхтающими курами, и чернокожие женщины с корзинками, полными каких-то плодов. За женщинами тяжело шли чернокожие мужчины с носилками.

Сквайр пригляделся и спросил:

– Да что они такое к нам тащат?.. На носилках?

– Похоже, что это нильский окунь из реки Сенегал, – ответил капитан. – Самая крупная хищная рыба Африки.

Тут капитан посмотрел на юнгу Уилла и подморгнул ему, – при этом довольный юнга зарделся от такого внимания.

– И здешние средние окушки будут ростом побольше нашего юнги, – сказал капитан.

– Не может быть! – поразился сквайр.

– Может, мистер Трелони, – подтвердил доктор. – А крупные окушки будут ростом с меня... Да вот, сами смотрите!

На носилках у туземцев, в самом деле, лежали огромные рыбы в рост человека с серебристым телом, вытянутой большой головой и выпученными крупными глазами. Было даже непонятно, как туземцы умудряются нести вдвоём такую тушу. Капитан закричал коку Шиле, подплывающему на второй шлюпке, и замахал ему рукой, потом он взял за плечо одного туземца и показал ему рукой на кока, который замахал капитану в ответ. Туземец понимающе кивнул и стал ждать приближающуюся шлюпку. Вокруг него остановились притихшие женщины, которые уже не размахивали своими курами, а перетапывались с ноги на ногу, с нетерпением поглядывая на шлюпку.

– Ну, пойдёмте, – сказал капитан.

И сквайр, доктор Легг, юнга Уилл, Платон, капитан и ещё два матроса пошли по пологому, низкому берегу в форт Сен-Луи, обходя кучи плавника и морской травы. Чайки, большие белые пеликаны и какие-то сине-чёрные птицы с длинным и тонким телом взмывали в небо при их приближении. Светлый мокрый песок был густо усеян кучками человеческих экскрементов, следами птичьих лап и ещё чьими-то извилисто-гладкими следами, увидев которые, мистер Трелони остановился в оторопи.

– Это что ещё такое? – подозрительно спросил он.

– Да, мистер Трелони, – сказал капитан, тоже останавли-

ваясь. – Это следы крокодильего хвоста.

– Как?.. Здесь есть крокодилы? – быстро спросил сквайр.

– Огромное количество, мистер Трелони, – ответил капитан, он, не спуская глаз со сквайра и словно призывая его последовать за собой, опять двинулся по берегу. – Они живут в реке Сенегал. Ну и гуляют туда-сюда. По здешним пляжам.

– А сейчас они где? – спросил сквайр, он снова пошёл рядом с капитаном.

– Сейчас они попрятались и наблюдают нас откуда-нибудь со стороны, – небрежно ответил капитан.

– Я никому не советую появляться на пляже ночью, – сказал доктор и покосился на юнгу Уилла, который робко и тихо шёл рядом с ним.

– А ведь река Сенегал берет своё начало на плато Фута-Джаллон, – вдруг сказал Платон, обернувшись к остальным. – Нам рассказывал дон Родригу, помните?

– И Мавритания здесь недалеко, – добавил капитан. – И Сахара здесь начинается.

Капитану никто не ответил. Потом доктор Легг спросил:

– А как мы попадём на остров Н'Дар?

– Я надеюсь, что за нами пришлют шлюпки из форта... Думаю, что нас уже ждут.

Они шли по плоскому, вылизанному приливами песчаному берегу, пока не увидели через реку с мутно-зелёной водой остров, какой же плоский и неприветливый. На острове мощные парапеты ограждали прямоугольную террасу, в цен-

тре которой стояло несколько приземистых угрюмых строе- ний – это и был бывший французский форт. Его узкие бой- ницы были обращены на океан. Стены заросли плющом и ли- анами. Справа и слева от форта, словно ища у него спасения и безопасности, к террасе лепились ряды глинобитных хи- жин. В этом месте к берегу приткнулись разноцветные лод- ки, и среди этих лодок капитан различил европейские шлюп- ки с гребцами. Капитан помахал им рукой. Из одной шлюпки ответили, и скоро шлюпки подошли к берегу полуострова.

Капитан представился:

– Капитан Дэниэл Линч со шхуны «Архистар».

– Вас ждут, капитан Линч, – сказал старшина шлюпки и предложил всем садиться.

На острове Н'Дар капитан оставил сквайра, доктора Легга и матросов на берегу, а сам с Платоном пошёл в форт.

Джентльмены направились к домикам, стараясь преодо- леть ощущение отчуждённости, которое исходило от глухих, без окон, жилищ, между которыми в редких пяточках травы паслись козы, бродили бесшёрстные овцы с длинными, уны- ло повисшими ушами, и копошились куры. Чернокожие хо- зяева коз, овец и кур сидели тут же в тени своих домиков – глинобитных хижин с четырёхскатными травяными кровля- ми. На проходивших белых они внимания, как будто бы, не обращали.

Возле одной хижины какой-то чернокожий старик, оде- тый в одну только набедренную повязку, выдалбливал лодку.

Его топорик удивительно ритмично поднимался и опускался со звонким стуком, и щепки, нежно шурша, отлетали от него во все стороны. Из ствола дерева, над которым работал старик, уже совсем явственно проступали очертания бортов.

– А я думал, дятел стучит, – сказал доктор Легг, глядя на старика.

– Да что вы, доктор?.. Откуда здесь дятел? – спросил сквайр.

– Ну, я думал... Просто думал! – заупрямился доктор.

Старик остановился, опустил топорик и посмотрел на джентльменов удивительно пытливыми глазами. В них была хитрость и ещё что-то неуловимое, что сквайр определил, как насмешку очень умного и уверенного в себе человека. Сквайр смутился и потянул доктора за руку прочь.

– Вот так лодку-долблёнку можно выдолбить за несколько дней, если дождь не помешает, – сказал доктор Легг юнге с видом знатока.

А сквайр добавил:

– Вот так он и будет тюкать своим топориком бесконечно... Сразу видно, что местные жители здесь никуда не торопятся и никуда не спешат. На их лицах нет ни следа заботы, ни тени задумчивости о завтрашнем дне. Живут они тут, как в полудрёме. И все здешние чернокожие – люди уже в возрасте... Молодых – нет!

– Ну, вы же понимаете, почему молодых нет, дружище, – сказал доктор. – Всех молодых – уже вывезли. Остались ста-

рики и калеки, которые нужны здесь для услуг.

Сквайр остановился и огляделся кругом.

– А как здесь насчёт воровства? – вдруг спросил он.

– О, воровства здесь нет совсем, – успокоил его доктор Легг. – Воровство здесь заслуживает самого глубокого презрения и порицания.

– Похвально, – с удовлетворением ответил сквайр и двинулся дальше.

– Зато грабёж процветает, – неожиданно добавил доктор ему в спину. – И грабёж здесь считается привилегией представителей высшего класса – мавров.

Мистер Трелони округлил глаза, обернулся и потрясённо посмотрел на доктора.

Они прошли ещё немного, и скоро услышали знакомый рёв верблюдов. Заспешив, они вышли на базарную площадь – часть берега, утоптанную бесчисленными ногами, и сразу же жаркая толчея восточного торжища охватила их: тут и там среди домотканых полотнищ палаток, закопчённых медных тазов, котелков и чайников, среди чёрных от верблюжьего пота кожаных сёдел сновали какие-то замотанные до самых глаз люди, другие люди в необъятных шароварах, с открытыми темнокожими лицами и торсами, непринуждённо лежали на коврах, циновках и подушках, расстеленных прямо в проходах между домами под натянутыми парусиновыми тентами, тут же полуголые чернокожие рабы что-то делали на корточках возле жаровен, и здесь пахло горящими

углями и мятой, а рядом, в глубине прохода, бил барабан, и играла заунывная флейта, и брнчали дребезжащие струны, а дальше, дальше лежали, стояли и бродили верблюды с запылёнными истёртыми боками, верблюды с сёдлами и без седел, верблюды с уздечками и ремнями и верблюды с колокольцами на шее и без них.

Маленький серый ослик с удивительно покорным, даже обречённым видом пересёк площадь и остановился невдалеке. Его потянул за верёвку смуглый мальчишка с палкой в руках, ослик повернулся и побрёл обратно. Мальчишка побежал впереди него, подбирая верёвку, к которой ослик был привязан.

Доктор Легг взял юнгу за руку и повёл его за осликом, опасливо обходя полусгнившую тушу телёнка, которая валялась на площади поперёк бокового прохода, и на которую никто, кроме мух, не обращал внимания, даже сидящие в двух шагах от неё люди – они спокойно пили чай. Сквайр и матросы пошли за доктором и юнгой сквозь пыль, толпу, резкие запахи гниения и крики погонщиков.

Они пришли к колодцу, сложенному из каменных плит, над зияющим отверстием которого стояла тренога из отполированного временем дерева с перекинутой через неё верёвкой. Старик-водочерпий в мокрых, прилипших к ногам ширвалях глянул в колодец и махнул рукой. И всё повторилось сначала: снова мальчишка огрел ослика палкой, и тот, с трудом переступая ногами, пошёл от колодца, снова ка-

нат натянулся, и из колодца показалась бадья с водой, снова старик-водочерпий опрокинул бадью в корыто, и верблюды, толкаясь, полезли узкими мордами к воде, и снова, в который раз, ослик грустно побрёл обратно.

Тут справа вдруг грянул барабан, и высокий стройный светлокожий мавр, положив себе на плечи пастушескую палку, стал двигаться в нехитром танце в кольце обступивших его людей. Большинство мужчин были одеты в бубу⁷ и огромные тюрбаны, а на груди имели амулеты – плоские кожаные ладанки, как объяснил доктор Легг, с зашитыми внутри благословениями святейших марабутов⁸.

Мистер Трелони, тронув доктора рукой, чтобы обратить его внимание, сказал ему про танцора:

– Что-то он этим своим танцем явно изображает.

– Ну, ясное дело – что, – ответил доктор Легг, тоже не спуская с танцора прищуренных глаз. – Не иначе, как потерял своего верблюда и теперь ищет.

Тут из толпы к сквайру и доктору вышли капитан и Платон.

– Еле вас разыскали, джентльмены, – сказал капитан. – Давайте возвращаться на корабль. Шлюпка ждёт.

Тут капитан замер на месте, а взгляд его стал удивительно

⁷ Бубу – широкая, свободного края длинная рубаха, которая имеет широкие открытые края, ниспадающие до самого низа.

⁸ Марабуты – члены мусульманского военно-религиозного ордена монахов-дервишей в Северной Африке.

насторожен.

– А где наш юнга? – коротко спросил он.

И тут доктор Легг ахнул и растерянно заозирался, а мистер Трелони со страшными глазами, подняв руки к голове, бросился куда-то, потом остановился, судорожно, рывками оглядываясь по сторонам, и побежал назад. Матросы, бес-толково глядя друг на друга, почти одновременно рванули в проулок, потоптались там, заглядывая повсюду, и с испуган-ным видом вернулись к капитану.

– Последний раз я его видел, когда он присел возле осли-ка, – плохо шевелящимися губами произнёс доктор Легг: на нём лица не было.

– Уилл! – перекрывая шум торжища, что есть мочи закри-чал Платон. – Уилл!..

И тотчас капитану показалось, что он оглох, потому что все окружающие его звуки пропали, а ещё ему показалось, что все люди и все предметы на площади замерли, застыв на своих местах: и мальчик-погонщик с поднятой на бегу пал-кой, и раб, с поклоном подающий своему господину стака-чик с чаем, и вода, текущая из бадьи в корыто, и даже вер-блюды, теснящиеся возле этого корыта с водой. И тут острая, невыносимая жалость пронзила капитана, холодком прошла по его спине, и, вспомнив счастливые глаза юнга Уилла, гля-дящие на него по-детски просительно, он застонал, как от боли.

Выхватив пистолет, капитан подскочил к старику-водо-

черпию, стоящему возле колодца, и рывком притянул его к себе за плечо.

– Ты не видел здесь белого мальчика вот такого роста? – спросил капитан у него по-английски, пистолетом показывая рост юнги.

Водочерпий смотрел на капитана застывшими в оторопи глазами и молчал. Платон быстро подошёл к ним и стал спрашивать то же самое на всех африканских языках, какие он только знал. Наконец, с пятого или шестого раза водочерпий ответил, что никаких белых мальчиков он не видел. Капитан отпустил его. Водочерпий со всех ног бросился бежать прочь. На белых людей уже настороженно, угрюмо косились. Шум возле них стал стихать, а окружающая их толпа, наоборот, стала угрожающе увеличиваться.

– Нет, так ничего не получится, – пробормотал капитан и громко скомандовал: – Уходим!.. Быстро! Все за мной!

Глава 4. Где же ты, юнга?

Когда капитан вернулся из форта, он сообщил всем:

– Майор Карнетт считает, что нашего юнгу похитили, чтобы продать в рабство... Майор рекомендовал мне привлечь к розыску юнги одного туземца, своего осведомителя. Его зовут Ламин... Кроме местных языков он говорит по-английски и по-французски и знает здешние места... Он будет нам полезен. Через него я уже пообещал выкуп за мальчика. Посмотрим, поможет ли это.

На следующий день капитан сказал:

– Майор Карнетт сообщает, что за выкупом к нему никто не обратился... Но маллам⁹ Ламин сообщил, что никто из караванщиков форт не покидал. Если юнгу прячут погонщики или торговцы, то он ещё находится на базаре, в какой-нибудь палатке... Дать нам солдат, чтобы обыскать рыночную площадь, майор Карнетт отказался наотрез. Это может вызвать возмущение аборигенов. Нам ничего не остаётся делать, как отправиться с караваном в глубь Сахары и попытаться по дороге отыскать юнгу. Что вы на это скажете, джентльмены?

– Бабское платье я больше не надену, – решительно заявил сквайр.

– Теперь в этом нет нужды, мистер Трелони, – ответил ка-

⁹ Маллам (араб.) – букв. «мастер», обозначение ремесленника, прежде всего кузнеца.

питан. – Мы все можем переодеться в мавров... И покрасить хотя бы брови... К тому же нет никакой необходимости вам самому отправляться на розыски. Путь тяжёлый, а вы ещё толком не оправились после ожога «корабликом»... Я пойду с матросами. И с Платоном.

– Я вас одного не отпущу! – возмущённо воскликнул сквайр. – Это я потерял мальчика!.. Я и должен его искать!

– Нет, мальчика потерял я!.. Никогда себе этого не прощусь! – перебил сквайра доктор Легг и добавил решительно: – Я с вами, капитан!

– Отставить споры, джентльмены! – приказал капитан. – За юнгу, как и за всех вас, отвечаю я. Он член моей команды!

Сквайр и доктор Легг притихли, горько поглядывая друг на друга. После минутного молчания капитан опять заговорил:

– Но как бы там ни было, Платон в этой экспедиции будет главным... Он будет каким-нибудь вождём, а мы все – его слугами. Надеюсь, необходимость этого всем понятна?

Джентльмены склонили головы. Потом доктор Легг сказал:

– А может попросить у коменданта форта солдат для сопровождения? Соотечественники нам не откажут.

– Я думал об этом, доктор, – ответил капитан. – Но потом решил, что солдаты, во-первых, будут к нам привлекать излишнее внимание, а во-вторых, сковывать нас в наших действиях. Но я попросил коменданта, чтобы он, со своей сто-

роны, не задерживал караван. Он мне это обещал.

– Значит, нам пора покупать здешнюю одежду, – сказал доктор Легг. – Мне местные штаны-ширваль, например, очень нравятся.

– А мне нравятся здешние рубахи-бубу, – сказал сквайр.

– Да, Платон завтра всё нужное купит на базаре, – капитан согласно качнул головой и повернулся к Платону. – Кстати, как тебя теперь зовут?

– Так же, как и раньше. Мугаффаль Абул-л-Фарах, – ответил Платон, пожав плечами.

– А это не опасно? – спросил капитан.

– Чем? – удивился Платон.

Капитан с минуту смотрел на него, потом произнёс задумчиво, соглашаясь:

– Ну, ладно.

– Только пускай матросы, как следует, постирают нашу новую одежду, – сказал сквайр и капризно поджал губы.

– Ну, разумеется, мистер Трелони, – ответил капитан, сдержанно улыбаясь. – Я сам, лично, прослежу за этим.

Ещё через день капитан сообщил, что караван почти сформировался.

– Караван идёт на Зелёный мыс, – сказал он. – Там располагается большой рабовладельческий рынок. А на озере Рет-ба, что находится на этом мысе, караван возьмёт груз соли... «Архистар» и «Король Эдуард» будут ждать нас в Сен-Луи неделю. За это время мы должны будем вернуться обратно,

но это только в том случае, если мы сразу найдём юнгу. Если мы не сразу найдём мальчика, то мы идём вместе со всем караваном на Зелёный мыс. А там уже нас будут ждать шхуна и бригантина... Всё, как видите, просто!

– А если мы совсем не найдём мальчика? – спросил мистер Трелони.

– Такого быть не может, – отрезал капитан. – Мальчик где-то в караване. Местным чернокожим в Сен-Луи он не нужен. Рабами здесь владеют исключительно «белые мавры».

– А как мы будем его искать? – спросил доктор.

– Пока не знаю, придумаем что-нибудь, – ответил капитан и добавил: – Маллам Ламин согласился быть нашим проводником. Он вам понравится. Он видел Лондон и Париж. И вообще, он – интересная личность.

Капитан замолчал и, вздохнув, неожиданно добавил уже другим, мягким голосом:

– И вот ещё что... Платон выкупил рабов. Пять человек... И отпустил их на свободу. Мы часто так делаем, когда бываем в этих местах. Но обычно мы уплывали сразу. А сейчас вот задержались, и эти рабы, – а раба здесь называют «абид», – никуда не хотят уходить от Платона.

– А почему они не хотят уходить? – спросил сквайр.

– Ну, мистер Трелони... Это ещё одна обратная сторона местного рабства, – пробормотал капитан и смолк.

Вместо него заговорил доктор Легг.

– А потому, что им некуда идти и негде работать на себя, –

сказал он. – А Платон их кормит и одевает, и не заставляет работать, между прочим. В общем, он – идеальный рабовладелец. Всем бы такого!

– Ну, и что нам теперь с ними делать? – опять спросил сквайр.

– Делать нечего, как взять их с собой... А на Зелёном мысе, может быть, мы что-нибудь для них придумаем. К тому же в походе эти сильные и молодые воины нам могут пригодиться.

– Надо им тоже купить верблюдов, – сказал сквайр. – Не пойдут же они пешком.

– Уже купили, – ответил Платон. – А сейчас надо подготовить к переходу наших матросов.

Скоро сквайр и доктор, стоящие на палубе, наблюдали, как Платон со снисходительным видом капрала, объясняющего что-то новобранцам, демонстрировал матросам особенности повязывания тагельмуста. Закрутив этим большим куском ткани голову и оставив под подбородком небольшую петлю ткани, он сказал, разведя руки в стороны:

– Нет в воздухе песка – можете радоваться и дышать, как хотите... Но если поднялся песок!

Тут Платон ловко надвинул петлю на лицо и закрыл тканью рот и нос, оставив открытыми только глаза. Матросы усердно стали повторять за ним все движения.

Мистер Трелони повернулся к доктору Леггу.

– Доктор, а вы не забыли, как повязывается тагельмуст? –

спросил он.

– Конечно, не забыл, – проворчал доктор. – Что вы спрашиваете, дружище? Я вам не мальчик.

А потом настало утро, когда караван вышел из Сен-Луи, и когда джентльмены познакомились с малламом Ламином.

На площади перед рынком их приветствовал на хорошем английском языке высокий чернокожий старик, одетый в рубаху, штаны до колен и белоснежный бубу, который доходил ему почти до щиколоток и имел нереально большие прорези в качестве рукавов. Очень чёрная даже по африканским меркам кожа старика напоминала потёртый и измятый шёлк или атлас без блеска, его большие чёрные глаза светились лукавством и умом, и не слишком густые седые брови странным образом подчёркивали их хитрый блеск. Худую вытянутую фигуру нового проводника венчала, именно венчала, гордая голова в тюрбане. Держался старик спокойно и с большим достоинством.

Сквайр и доктор с некоторым изумлением узнали в этом старике того полуголого чернокожего, который, как дятел, тюкал топориком по бревну, выдалбливая лодку в их первый день пребывания в Сен-Луи.

Сначала караван шёл по побережью, которое представляло собой бесконечную цепь песчаных дюн, заросших невысоким кустарником.

Это была странная граница трёх стихий – неба, песка и

океана. Как ни старался старший погонщик направлять караван дальше от воды, но даже в полный штиль волны прилива прорывались далеко в пустыню и лизали копыта верблюдов. Глядя на дюны, мистер Трелони думал, что эти неподвижные песчаные волны, тысячелетиями сдерживающие нескончаемые удары океана, создают до самого горизонта пейзаж без всяких признаков жизни – только виднелись окрест остовы редких разбитых лодок и выбеленные солнцем скелеты верблюдов, погибших здесь, не иначе, как от жажды.

Соседствующие друг с другом прибрежные дюны были разных цветов – рядом с белой песчаной горой высилась рыжая, а рядом с рыжей покоилась почти розовая, и это была не игра света. Песок по цвету действительно различался, почему-то в дюнах не перемешиваясь. И песок везде был полноправный хозяин, особенно днём, когда глазам было больно смотреть на дрожащее впереди белёсое марево, и когда пот растекался по плечам и лицу, обтянутому иссыхающей кожей.

Утром второго дня караван повернул от океана и поднялся на вершину песчаного холма, откуда вся местность, сбегавшая вниз, открылась, как на ладони – такие же песчаные холмы уходили вдаль без конца и без края. И Трелони понял, что, очутившись в этом первозданном, отчуждённом мире, красота которого складывается из тишины и суровости, он вдруг оказался весь в его власти – во власти бескрайнего неба, бесконечного сыпучего песка и облаков странной

формы, медленно ползущих, казалось, из самого сердца Африки.

Трелони отъехал в сторону, остановил верблюда и, обернувшись в седле, посмотрел на океан – океан всё так же безучастно катил свои воды, зализывая следы, оставленные караваном.

Скоро пошли соляные озера, и уже почти высохшие, и ещё сохраняющие водную поверхность, с которой при приближении каравана взлетали стаи пеликанов – эти огромные белые птицы совершали сначала несколько прыжков по воде, потом с шумом били крыльями по водной глади и только тогда взлетали. Бакланы, между тем, продолжали сидеть на островах деревьев и, казалось, провожали пеликанов удивлёнными взглядами.

Караван шёл по неширокой утрамбованной ногами путников дороге, изредка обозначенной кучками наваленных в беспорядке камней. Сойти с этой дороги грозило опасностью провалиться по колено в вонючий чёрный ил: по мере продвижения на юг земля всё ещё оставалась заболоченной, неплодородной.

С первого дня пути капитан и все остальные старались по мере сил найти в караване юнгу или определить место, где тот может быть спрятан. Юнги нигде не было видно, но с караваном шла закрытая повозка с большими колёсами, очень похожая на ту, в которой много лет назад путешествовал по пустыне мистер Трелони. В этой повозке, по всей видимо-

сти, ехали невольницы, за которыми был постоянный надзор. На дневные и ночные привалы слуги разбивали для женщин большой шатёр в отдалении от всего каравана, и подвозили повозку к самому входу в шатёр. Седоков повозки никто не видел, и на людях они не показывались.

– В караване единственное место, где могут спрятать юнгу – это повозка, в которой перевозят невольниц, – сказал капитан. – Сколько там невольниц и кто вообще там находится – мы не знаем. Повозка принадлежит Абу-Накаду, и его люди повозку тщательно охраняют... Платон узнал, что этот Абу-Накад – богатый работороговец.

– А как мы подберёмся к этому Абу-Накаду? – спросил мистер Трелони.

– Пока не знаю, – ответил капитан. – Надеюсь, что время покажет. А пока мы идём с караваном... Что-то предпринимать будем ближе к концу пути.

Капитан задумался, опустил глаза, потом посмотрел в сторону абидов Платона. Те сидели у своего костра на большом покрывале, замерев в странных, неудобных для европейцев позах, и, казалось, спокойно внимали тишине наступающей ночи. Быстро темнело. Несмотря на неумолчное позвякивание верблюжьих колокольцев, было так тихо, что слышался шелест ветра по песку, извилистая поверхность которого определяла направление этого ветра. Один невольник поразил капитана своим отрешённым застывшим взглядом.

– Как его зовут, мастер? – спросил капитан и показал мал-

ламу Ламину кивком на невольника. – Вы уже узнали?

– Его зовут Биалал, – тихо ответил маллам Ламин.

– А другого? Вон того, высокого? – спросил капитан.

– Его тоже зовут Биалал, – ответил проводник, деликатно улыбнулся и пояснил: – Здесь всех рабов зовут Биалал, и это не просто имя, это его положение в здешнем обществе... Обозначение такое – «абид Биалал».

Доктор Легг, не сдержавшись, возмущённо фыркнул. Мистер Трелони поднял глаза к небу: небо было огромное, необъятное, на нём уже проступали звёзды, которые обещали скоро стать яркими, хрустальными. Все так устали, что разговаривать не хотелось.

Скоро капитан, назначив вахтенных на эту ночь, скомандовал «отбой».

Капитана разбудила перекличка петухов, которых кто-то вёз с собой в караване, и он откинул аббу.

В его лицо подуло свежестью – ночью было холодно настолько, что он даже продрог в своей аббе. Лунный серп ещё висел у него над головой, но капитан знал, что рассвет не заставит себя ждать, и вот-вот взойдёт солнце: в этих местах рассвета и заката почему-то почти не было, поэтому переход ночи в день был мгновенен настолько, что капитан не мог к этому привыкнуть.

Вернувшийся к костровищу после утреннего намаза Платон громко крикнул всем вместо приветствия:

– Поднять паруса!

И капитан ему тут же ответил, тоже громко крикнув:

– Есть поднять паруса!

Протирающий в это время глаза мистер Трелони ошарашенно посмотрел на капитана, потом на Платона, потом он, видимо, что-то понял, потому что тоже закричал во весь голос, поднимаясь с земли:

– Есть поднять паруса!

Доктор Легг не понял ничего. Он проснулся сегодня невероятно усталым. Во всём его теле была большая и ленивая, тягучая, как клейстер, истома, и малейшее движение отзывалось болью во всех мышцах. Пересиливая эту боль, доктор закричал, заморщился и сел. Потом он посмотрел, покосившись поочерёдно, на мистера Трелони, на капитана, на Платона и спросил ворчливо:

– Чего это вы так разорались? Какие паруса? Вы что?.. Перегрелись вчера на солнце?

– Молчите, доктор, молчите... Так надо, – ответил ему капитан насмешливо, с нажимом.

– Надо? – переспросил доктор Легг, он заморгал добрыми глазами, что-то пытаясь сообразить или угадать.

– Да, доктор, – поддержал капитана сквайр. – Надо, чтобы по всему лагерю нас слышали.

До доктора, наконец-то, что-то дошло.

– Ах, слышали! – потрясённо, полувопросительно протянул он. – Да-да-да-да-да...

Доктор сразу повеселел. Он энергично потёр себе лицо ладонями, потом то ли помассировал пальцами, то ли потрогал, наверное, чтобы убедиться в который раз, свои мешки под глазами.

– О, да!.. Это вы здорово придумали! – рассмеялся он от души.

Утро начиналось. Матросы стали готовить завтрак. К костру с каким-то небольшим холщовым мешочком подошёл маллам Ламин и сел, подобрав под себя худые ноги. Он стал что-то доставать из этого мешочка, сыпать себе в рот маленькими аккуратными горстками и жевать с очень довольным видом.

– Что вы такое едите, мастер Ламин? – с интересом спросил у него Платон.

– Уж какая это замечательная штука – поджаренный арахис, – сказал проводник, он поднял вверх свою худую чёрную руку с длинными пальцами и довольно улыбнулся. – И кревоугодники, и даже те, кто ест исключительно только для того, чтобы не умереть с голоду, все сходятся во мнении, что вкуснее всего жаренный арахис в виде сладкой подливки к просяной каше. Ну, а я считаю, что лучше его посолить, поперчить и есть с варёной фасолью ньебе. Но жареный арахис вкусен и сам по себе... Хотите попробовать, господин?

У старого проводника был такой лукавый вид, что Платон рассмеялся и запустил руку к нему в мешок. Потом маллам Ламин протянул мешок мистеру Трелони, потом док-

тору Леггу, капитану и матросам. Скоро все, даже абыды Платона, попробовали жареного арахиса, и все сошлись на том, что жареный арахис – это вещь. Завтрак на английской стоянке прошёл весело. После завтрака караван тронулся в путь: один за другим лежащие на земле верблюды встали сначала на задние, потом на передние ноги, причём так резко и стремительно, словно хотели выбросить седоков из сёдел.

Солнце моментально поднялось в небо и затопило пустыню ярким светом, и скоро льющийся сверху поток жары пригнул караванчиков к их верблюдам. Караван шёл в напряжённой, словно готовой вот-вот взорваться тишине – песок мягко обволакивал ноги верблюдов и стекал вниз по откосу. Мистер Трелони посмотрел вдаль и прикрыл глаза от невыносимого света... «Ничего нет ужаснее пейзажа, залитого всё уничтожающими лучами солнца», – подумал он... Тишина звенит в ушах. Солнце иссушает кожу. Редкие кустики зелени жмутся к барханам, а воздух дрожит у земли раскалённой мглой. ... И всё здесь было так же и сто, и двести, и тысячу лет назад.

Здесь в пустыне, только на первый взгляд однообразной, каждое изменение пейзажа отмечалось сквайром, чутким ко всяким проявлениям прекрасного, с трепетом: вот высохший корявый баобаб, на вершине которого сидит орёл, вот коричневая гладь озера, вот группа веерных пальм, окружённая непроходимыми зарослями акаций, а дальше, дальше – деревья редуют, и тянется пустошь, пустошь и пустошь.

Откуда ни возьмись, появились белые птицы размером с курицу, только на длинных ногах и с длинными клювами: шараясь и вспархивая, они сосредоточенно ловили насекомых, привлечённых верблюдами, прямо из-под верблюжьих ног. На них смотрели отдыхающие на остовах деревьев стервятники с разинутыми от жары клювами. Белые птицы несколько их не боялись, занятые своим делом.

Вечером солнце окрасило пески в розовый цвет. Потом отзвучал вечерний намаз, и сразу стало прохладно и темно.

Англичане сидели у костра. В отдалении бродили их стреноженные верблюды, потираясь затылками и животами о землю и кусты, чтобы оставить на них свой запах. Колокольчики их надтреснуто дребезжали в такт движению. Вдруг большой даже по верблюжьим меркам дромедар заревел невдалеке, зарокотал по-звериному, испуская вопли и выпучивая из горла пузырь, надутый воздухом. Он стал кусать и лягать других верблюдов, которые бросились от него врассыпную, а потом подбежал к кострам в страшном возбуждении и ярости. За ним испуганно, с растерянным лицом шёл абид Платона.

У джентльменского костра все замерли – верблюд перебирал могучими ногами, шараясь и взметая пыль, в двух шагах от людей. Капитан, быстро вскочив, бросился верблюду наперерез и встал перед ним, не поднимая рук. Он спокойно стоял и смотрел на верблюда, и тот, неожиданно опустив голову к земле, стал тихо и жалобно визжать и реветь, будто

выплакивая свою обиду. Очень быстро он затих. Абид Платона увёл верблюда прочь.

Маллам Ламин заметил:

– Уж на что у всех верблюдов скверный нрав, а этот верблюд – просто шайтан какой-то. Как муаллим¹⁰ с ним только справляется!

Ему никто не ответил, и, немного помолчав, проводник стал рассказывать:

– Аллах сотворил сперва человека, а потом верблюда... Так говорят бедуины. Верблюд умён, терпелив, подвижен, а ещё он замечательно переносит жару. Ему не страшны горячие барханы и острые камни: его широко расставленные сросшиеся пальцы не дают ему проваливаться в песок... Ему не страшно даже улечься на раскалённый солнцем песок – его огромные мозоли на локтях, груди и коленях напоминают подушки. Верблюд покоится на них, мягкими частями тела не касаясь песка. Ноздри его, как вы знаете, имеют форму щели, и когда поднимается буря и ветер несёт песок, они плотно смыкаются.

Уши верблюда защищены от песка густым волосом, а глаза – двумя рядами длинных ресниц, а также прозрачным веком... Если песок всё-таки засорит глаза, набежавшая слеза смывает сор... Молоко верблюда такое густое, что поставьте кувшин с ним на солнцепёк – оно простоит трое суток и не прокиснет. А неказистые, приземистые, с короткими и тол-

¹⁰ Муаллим – капитан-наставник.

стыми ногами выючные верблюды способны переносить на себе невероятные грузы. А уж как долго верблюды могут обходиться без воды – вы сами знаете.

– А правда, что можно спастись от мучительной жажды, разрезав верблюду брюхо и выпив воду из его желудка? – спросил сквайр.

Тут доктор Легг неожиданно ответил:

– Я очень сомневаюсь в этом, мистер Трелони. Я знаю устройство желудка верблюда. Я участвовал в его вскрытии, и хочу вам сказать, что это – сказки. Основное и самое большое отделение четырёхкамерного желудка верблюда, так называемый рубец, набит полуразжёванной зелёной массой... Жидкости здесь мало. Даже если постараться и хорошо эту массу процедить, то воды можно добыть немного. И она зелёного цвета и так дурно пахнет, что запах не уходит даже после кипячения.

Маллам Ламин заулыбался.

– Я, конечно, не вскрывал верблюда, но резать мне их приходилось, – сказал он. – И я скажу, что вы правы, уважаемый таиб.

Время от времени мистер Трелони косился на барханы – из плотной, абсолютной тишины этого места до него доносились какие-то шорохи и непонятные звуки.

– Это бродят пески, – пояснил маллам Ламин, видя настороженность сквайра. – Мёртвый при дневном зное пейзаж ночью оживает... Песок в пустыне живёт своей жизнью, не

подвластной никому – ни растениям, ни животным, ни людям. Пески вечно кочуют, но, что интересно, никогда не выходят за пределы Сахары.

Скоро капитан скомандовал «отбой», и все стали, кряхтя и морщась с непривычки, устраиваться на ночлег на жёсткой земле.

Незаметно и почти неуловимо характер местности изменился.

Пески уступили место ровной пустоши, и на пути каравана всё чаще и чаще стали встречаться баобабы. Сезон дождей задерживался, и баобабы стояли голые, без листьев. Огромные в объёме, коренастые деревья с переплетёнными, корявыми и узловатыми ветвями, среди которых виднелись остатки чьих-то гнёзд из сучьев, стояли тут и там, и мистер Трелони подумал, что они похожи на обрубки-пеньки, поставленные корнями вверх.

Караван всё так же неспешно шёл своим путём, и каждый следующий день повторял предыдущий, но однажды случилось происшествие.

На караван надвигался смерч – одинокий столб коричневой пыли. Он был сам по себе, не исходил ни из какой тучи и был скручен в толстенный жгут, который, то вращаясь на одном месте, то срываясь в диком порыве, извивался змеёй, захватывал увесистые камни и крушил, ломал всё, что встречалось ему на пути.

Старший караванщик на первом верблюде встал. Караван постепенно остановился тоже. Глаза всех были устремлены на смерч – все старались угадать его путь, чтобы обмануть этот раскалённый столб смерти, ветра и пыли, перехитрить его, распознав этот страшный танец. Наконец, старший караванщик резко рванул повод своего верблюда влево – весь караван, постепенно набирая скорость, ринулся за ним. Описав крутую дугу, караван скоро оставил смерч за спиной. Мистер Трелони оглянулся: смерч уплывал от них всё дальше и дальше, в том направлении, в котором только что двигался караван.

На вечерней стоянке, ещё до заката солнца, маллам Ламин отлучился. Потом он вернулся к костру, стал усаживаться на своё место, и по его улыбке, все поняли, что он принёс новости.

– Что-то случилось, мастер? – с ласковой усмешкой спросил капитан: ему явно нравился их теперешний проводник.

Очень охотно маллам Ламин стал рассказывать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.